

12+

Сергей
Голубков

ПУНКТИВ

Инга Голубкова

ПУНКТИР

«Автор»

2018

Голубкова И. П.

ПУНКТИР / И. П. Голубкова — «Автор», 2018

ISBN 978-5-532-06604-5

«Пунктир» – это мемуары Сергея Викторовича Голубкова, по-настоящему государственного человека. Книга представляет собой сборник коротких новелл, связанных с той или иной историей из жизни автора, в которых трагическое переплетается с комическим, в которых есть улыбка, ирония и печаль. Автор предельно откровенен и точен в воспроизведении картин прошлого, поэтому книга представляет собой своего рода документ эпохи. Для тех, кто жил в советскую эпоху и вышел из неё, книга будет тёплым напоминанием о молодости, о мечтах и свершениях, об ушедшем. А для молодых читателей эта книга – источник размышлений о профессии и смысле жизни.

ISBN 978-5-532-06604-5

© Голубкова И. П., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Предисловие	5
1938–1960	7
Откуда я такой	7
Как я стал химиком	15
Путь к сердцу мужчины...	20
Берём!	26
1961–1974	32
Битва с аппаратчиками	32
Волшебство – на седьмой день	35
Чудо стеклянное и чудо радиационное	37
Тяжёлое наследие	40
Сто патентов в год	44
Плач осетров	49
Спасительная тёща	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Инга Голубкова, Сергей Голубков

ПУНКТИР

Предисловие

Как появился «Пунктир»

У каждого – своя линия жизни. У кого-то она извивается, как русло реки, делая широкие повороты то вправо, то влево, у кого-то она мечется – шаг вперед, два назад, у кого-то движется по кругу. У Сергея Викторовича линия жизни прямая, как стрела, несгибаемая, сокрушающая препятствия и несущаяся вперёд под действием только одного – желания служить Отечеству.

Но любая линия жизни складывается из повседневных дел, историй и событий, запланированных и случайных, как бусы из бусинок. У Сергея Викторовича таких историй-бусинок набралось бы невероятное количество, не на один том. Он рассказывал их в компаниях, в дороге, в перерывах между делами, за столом. Казалось, этим историям не будет конца. Но почему-то никто так и не догадался их записать. И вот пришло время, когда финишная ленточка стала отчётливо видна. Друзья и коллеги упрашивали СВ написать мемуары, но у него всегда находились более важные дела. Он позвонил мне буквально за два месяца до своего ухода, и сказал, что готов наконец доверить мне все свои тайны. И мы начали работать.

С самого начала мы договорились, что это будет россыпь новелл – историй из его богатейшей на события и людей жизни.

– Я тут набросал пятьдесят сюжетов, – сказал мне СВ при первой же встрече, показывая несколько страниц блокнота, испещрённых убористым почерком. – Тебе не будет скучно.

– Почему пятьдесят? У вас же их сотни! Вашей жизни хватит на сто разных жизней!

– Давай сделаем пятьдесят. А там посмотрим.

Это была цель и это был план-минимум, который надо было выполнить во что бы то ни стало. После первой же новеллы, которую я отправила СВ по электронной почте, он позвонил, взволнованный: «Это то, что надо! Это действительно мои слова, мои интонации и чувства. Спасибо!»

Мы успели сделать только двенадцать новелл, когда СВ увезли в больницу в тяжёлом состоянии. Я уже подумала, что план рухнул. Но не успела я войти в палату, как услышала:

– Сколько у нас новелл? – Это было первое, что он спросил меня, когда я приехала.

– Двенадцать, – говорю.

– Продолжаем работать. Инга, где там мой список? Выбирайте, какую историю мне рассказать.

Поначалу СВ едва говорил, даже диктофон не мог ухватить его голос, поэтому Инга, его жена, работала переводчиком. Однако с каждым новым воспоминанием его голос креп, как будто в него вливалась жизненная сила. Поразительно, но СВ буквально воскресал на глазах. Когда я появлялась, медсестры шутили: «А вот и допинг пришел».

Каждое утро я приветствовала СВ одной и той же фразой: «Привет, СВ, пришла посмотреть на ваш конец». Он тут же начинал хохотать, вспоминая неприличный анекдот, стоящий за этой фразой, который сам же мне и рассказал.

СВ любил хорошие анекдоты, знал их множество и требовал от каждого проходящего рассказать что-нибудь свеженькое. Из палаты умирающего СВ то и дело выкатывались взрывные волны хохота, изумлявшие медперсонал клиники: такого пациента они ещё не видели. СВ любил жизнь – всегда и везде. Он умел радоваться всякой мелочи, он был переполнен оптимизмом, которым щедро делился и который не изменял ему даже на больничной койке. В нём

жила какая-то фантастическая жизненная сила и воля, которые не оставляли места унынию и отчаянию. Мне кажется, он даже не знал, что это такое.

СВ ждал каждой утренней встречи и каждый раз спрашивал – сколько теперь у нас? Мы двигались стремительно. Двадцать новелл, тридцать, сорок, сорок пять... Когда их стало пятьдесят, СВ как будто успокоился, удовлетворённый тем, что выполнил план-минимум, и даже потерял интерес к этому делу, замкнулся, словно переключился на что-то более важное внутри себя. Казалось, он стоял на пороге иной жизни и вглядывался в новые горизонты, открывшиеся перед ним. Через несколько дней он ушёл навсегда.

Безумно жаль, что вышло только пятьдесят новелл. Он хотел рассказать о многих своих друзьях и единомышленниках, о своём детище, «Никохиме», которому посвятил последние 30 лет жизни и сотрудников которого нежно любил и опекал, а они платили ему тем же. Но не успел и заранее просил прощения у всех, кто не упомянут в книге. Очень много интересного осталось за бортом – рассуждения СВ о добре и зле, о том, что одно без другого, увы, не существует, о разочаровании СВ в капитализме по причине его глубочайшей безнравственности, о его преклонении перед женщинами, о природе отрицательного отбора в нынешней власти, о причинах краха микроэлектроники в нашей стране, о производительности труда и скрытой безработице, о зависти... Об этом мы успели поговорить только вскользь, отложили на будущее. Помню, я спросила:

– Сергей Викторович, а вы завидовали кому-нибудь?

– Конечно.

– Кому же? И в чём?

– Я всегда завидовал тем, кто умел танцевать, петь и говорить на иностранных языках.

– Но ведь этому можно было научиться!

– Когда?!

Замечание мое, конечно, было глупым. Сергей Викторович спал только четыре часа в сутки, и оставшихся двадцати часов ему едва хватало на большие государственные дела. Тут не до танцев.

Пятьдесят новелл – это слишком мало, чтобы сложить непрерывную линию жизни СВ. Поэтому она получилась с пробелами, пунктирной, отсюда и название книги. Тем не менее этот «Пунктир» даёт представление не только о жизни СВ, но и об эпохе, в которую он жил. Эпохе противоречивой, неоднозначной, в которой много чего было, да и люди были разные. Но при всём том в ней присутствовало то, что сейчас редко встретишь, – бескорыстие, ответственность, самопожертвование, долг, служение, то, что воплощено в личности СВ и его жизни.

Инга, «моя половинка», как говорил СВ, активно участвовала в разговорах, дополняя воспоминания мужа другими, своими красками, и картинка становилась более объёмной. В какой-то момент у меня возникла идея ввести в книгу второй голос – голос Инги: она помнила такие детали, которые не задержались в памяти СВ. Дело обычное, мужчины и женщины – существа принципиально разные. СВ с радостью воспринял идею «на два голоса», поэтому многие новеллы сопровождается комментариями Инги.

Мы даже успели обсудить с СВ, в каком виде должна быть издана книга. И мы вместе выбрали тот формат и тот образ, по которому и была создана книга «Пунктир» – та, что сейчас у вас в руках. Книга о жизни удивительного человека, который держал на своих плечах мир.

Любовь СТРЕЛЬНИКОВА

1938–1960

Откуда я такой

Кому сказать спасибо, что я такой, какой есть? Спасибо маме с папой за хорошую генетику и правильное воспитание, спасибо моим учителям, которые были всегда, потому что я учился всю жизнь и продолжаю учиться, спасибо Инге – моему зеркалу, которое показывало недостатки и заставляло работать над собой, и спасибо комсомолу, который сделал из меня общественного человека.

В первый класс я пошёл в семь лет. Это была семилетняя железнодорожная школа в Орше. Мои родители работали в системе железнодорожного транспорта, а у этой системы и тогда, и сейчас, и 130 лет назад были свои образовательные учреждения, включая школы. Они отличались от обычных городских школ тем, что были больше приближены к жизни и профессии, к труду. Образование в этих школах давали отменное.

Это был 1945 год. Ещё продолжались бомбежки и гибли люди, взрослые и дети. Но уже невозможно было не учиться – школы не работали четыре года! Поэтому во вновь набранных классах собрались дети разного возраста. В моём первом классе были ребята семи лет, как я, а были и десятилетние. В классе учились и мальчики, и девочки – раздельное обучение практиковали в те годы только в крупных городах, и были представлены четыре национальности: белорусы, русские, поляки и евреи. Поразительно, но представительство было равным – по семь человек. Одним словом, ситуация оказалась сложная, надо было как-то самоутвердиться и становиться героем. И у меня это получилось. Наверное, потому, что мне до всего было дело, равнодушием я не страдал.

Сергей и его семья: мама, Зоя Есперовна Иванова, в юности, папа, Виктор Сергеевич Голубков, сразу после войны, и старшие братья Леонид и Густав.

*Сергей в школе и со своими одноклассниками. С Таней Кореньковой – Додух (стоит слева)
Сергей дружил всю жизнь.*

Я окончил шестой класс, мне предстояло идти в седьмой. К тому времени в школе уже было изрядное количество комсомольцев и полагалось выбирать комсорга школы. Учителя страстно хотели, чтобы комсоргом стал я, видимо, чувствовали мой потенциал, который я сам

пока не осознавал. Но была одна загвоздка – я не был комсомольцем, по возрасту не дорос. И тогда учителя предложили мне приписать к моему возрасту один год. Я согласился, меня тут же приняли в комсомол, а комсомольцы выбрали меня комсоргом школы.

Всё, что происходит с нами, оставляет след в нашей жизни. Всё участвует в создании нас такими, какие мы есть.

Иоганн Вольфганг Гёте

Учился я хорошо, и в 7 классе меня, как лучшего ученика школы, командировали летом на три недели в Мичуринск. Железнодорожные билеты были бесплатными, а в Мичуринске мы жили в общежитии аграрного института. Восемьдесят лучших учеников приехали из разных железнодорожных школ со всей страны, и было потрясающе интересно, потому что нас научили всему – как управляться с ягодными культурами, с зеленью и овощами, с фруктовыми деревьями и кустарниками. Эти навыки остались у меня на всю жизнь. Сегодня всё, что есть в саду рядом с моим домом, посажено и ухожено моими руками. С тех пор меня родные и друзья называют юным мичуринцем.

Но вот седьмой класс окончен, надо идти в другую железнодорожную школу – в десятилетку. Мой класс был очень сильным и в полном составе перешёл в новую школу. В ней уже было пять своих восьмых классов, а тут ещё наш. И меня в новой школе, только представьте (!), опять выбрали комсоргом, хотя у них были свои кандидаты постарше. Выбрали и на следующий год, в девятом классе. К десятому соревнование за роль комсорга обострилось, появилось много желающих. Мы устраивали дебаты, каждый кандидат докладывал свою программу

деятельности. В общем, всё по-взрослому. Каждый старался заработать себе очки везде, где только возможно. И меня опять, в четвёртый раз, выбрали комсоргом.

Такие фотографии класса получали все выпускники по окончании школы в советское время.

Может быть, здесь свою положительную роль сыграло моё активное участие в школьном драмкружке. Наша учительница логики и психологии регулярно ставила спектакли, где я играл всё, что мне предлагали. Моей звёздной ролью стал Городничий в «Ревизоре» Гоголя. Помню, на живот мне привязывали подушку, потому что никакого, даже малейшего намека на живот у меня не было, а какой городничий без живота? Спектакль шёл с оглушительным успехом, и меня всегда награждали аплодисментами.

Одна из встреч с одноклассниками спустя 20 лет.

Жили мы в школе потрясающе интересно, именно что жили, пропадали в ней с утра до ночи, поэтому наш класс сдружился невероятно и навсегда. Каждые пять лет в течение последующих пятидесяти наш класс собирался в Орше. Были и «приблудные», как мы говорили, из других классов. Конечно, нас всех разбросало по России и по миру, но мы всегда приезжали в Оршу на встречу, скидывались, чтобы организовать застолье.

Обычно встречи организовывали мои оршинские одноклассники – Таня Коренькова-Додух, Валентин Дегтярёв и Гена Грищенко. Нам заранее сообщали, какие взносы мы должны сделать. Помню, уже после распада нашей общей страны мне написали, что скидываемся по 35 тысяч. И забыли приписать, что не рублей, а белорусских «зайчиков». Я отправил 35 тысяч рублей с посыльным. Ребята получили деньги, обалдели, звонят: «Сергей, ты спятил?» Но деньги я не забрал, и мы устроили пир на весь мир. А кроме того, я приехал не с пустыми руками: багажник моей машины был забит ящиками с шампанским, а салон – конфетами всех сортов от «Красного Октября».

Последний раз мы встретились в 2010 году. Тогда-то «девчонки» из нашего класса попросили: «Давайте больше не встречаться – стареем, выглядим всё хуже, самим противно смотреть на себя в зеркало». На том и порешили. Так завершилась одна из важнейших линий моей жизни. Всё-таки жизнь чудовищно коротка!

Инга: второй голос

Откуда Сергей такой? От родителей, конечно. Они были, безусловно, талантливыми людьми, но какими разными!

Папу, Виктора Сергеевича, я не знала. Он умер, когда Сергею было 15 лет. Но, судя по воспоминаниям близких, именно от отца Сергей унаследовал обострённое чувство ответственности за всё и за всех, умение собрать вокруг себя единомышленников, сформировать коллектив и вдохновить его на решение сложных задач. Именно так Виктор Сергеевич действовал во время войны, когда двигался по пятам отступающих фашистов и восстанавливал работу железнодорожных станций. При этом он был романтиком, восторженным и открытым. Любитель стихов и песен, больших компаний, он умел из любой встречи сделать праздник.

Мама, Зоя Есперовна, – человек совсем другого склада: железный характер, почти патологическая пунктуальность, сверхтребовательность к людям, к себе и особенно – к близким. Сила её воли была фантастической. Вот лишь один пример. Она курила десятки лет, курила много, махорку и папиросы – видимо, война приучила так бороться с голодом. Но однажды она увидела в руках Сергея, новоиспечённого студента, приехавшего в Оршу на каникулы, папиросу.

– Ты давно куришь? – насторожилась она. – Да нет, с ребятами, за компанию.

– А тебе это надо?

– Почему нет? Все курят.

В тот вечер Сергей пришёл поздно. Мама его ждала – сидела возле печки, а рядом на столе был выложен весь её курительный запас табака и папирос. «Давай договоримся, – сказала она. – Прямо сейчас ты бросаешь курить. Я тоже брошу и никогда больше не притронусь». И она начала швырять в печку всё свое накопленное богатство. Последней в огонь отправилась пачка папирос, которую она взяла у Сергея. Она всегда умела эффектно обставлять свои действия и решения, чтобы результат был гарантированным. С тех пор ни Сергей, ни Зоя Есперовна к куреву не притрагивались, хотя ей, с большим стажем заядлого курильщика, это далось нелегко.

Её настороженность и даже какое-то недоверие к новым людям порой изумляли. Но уж если доверие завоёвано – вернее не было человека. Больших компаний не любила, однако в кругу близких раскрывалась в полной мере. С ней было и тяжело, и легко. Она взяла на себя заботу о доме и детях и дала нам возможность сосредоточиться на работе? Но в ответ требовала беспрекословного подчинения. Например, первые три года все свои зарплаты мы отдавали Зое Есперовне. Потом Сергей настоял, что будет выделять деньги только на хозяйство. Она согласилась, и тем не менее частенько жаловалась внучкам: «Вот родители ваши – какие деньги зарабатывают! И всё на друзей тратят!» Она знала, что мы не будем заниматься накопительством. Сама же к своей пенсии не притрагивалась, копила её на сберкнижке. Всё это закончилось плохо: в 1991 году её накопленные девять тысяч пропали.

Все годы мы жили вместе с мамой Сергея, вплоть до её смерти. Безусловно, именно мама сформировала в нём черты государственного человека, хотя задачи такой не ставила, а папа внёс свою лепту – жизнелюбие, теплоту общения с людьми, сопереживание, желание броситься на помощь, когда, казалось бы, помочь невозможно. И всё это причудливым образом переплелось в Сергее. Поневоле вспоминается царь из «Обыкновенного чуда», в котором постоянно просыпаются то дядюшка с маминой стороны, то двоюродная тётка...

Как я стал химиком

О том, чтобы стать химиком, я никогда не думал. Мне хотелось быть политиком, хотя нет, это слово тогда было не в ходу, лучше так – государственным деятелем. Мне хотелось делать что-то очень важное и нужное для нашей страны или, как тогда говорили, вершить судьбу страны. Почему-то я полагал, что для этого надо учиться в Московском институте международных отношений (МИМО) в Москве. Я тогда ещё не знал, что москвичи произносят название этого института с другим ударением, на «и» – МИМО, потому что обычный человек с улицы поступить в этот институт не мог. Но когда пришло время поступать, в Москву я не поехал, и вот почему.

У меня есть двоюродная сестра Галя, моя ровесница, дочь папиной сестры Евгении Сергеевны. Они жили в Москве, Галя училась в московской школе, училась хорошо, и у нас было негласное соревнование – кто кого обойдёт в учёбе.

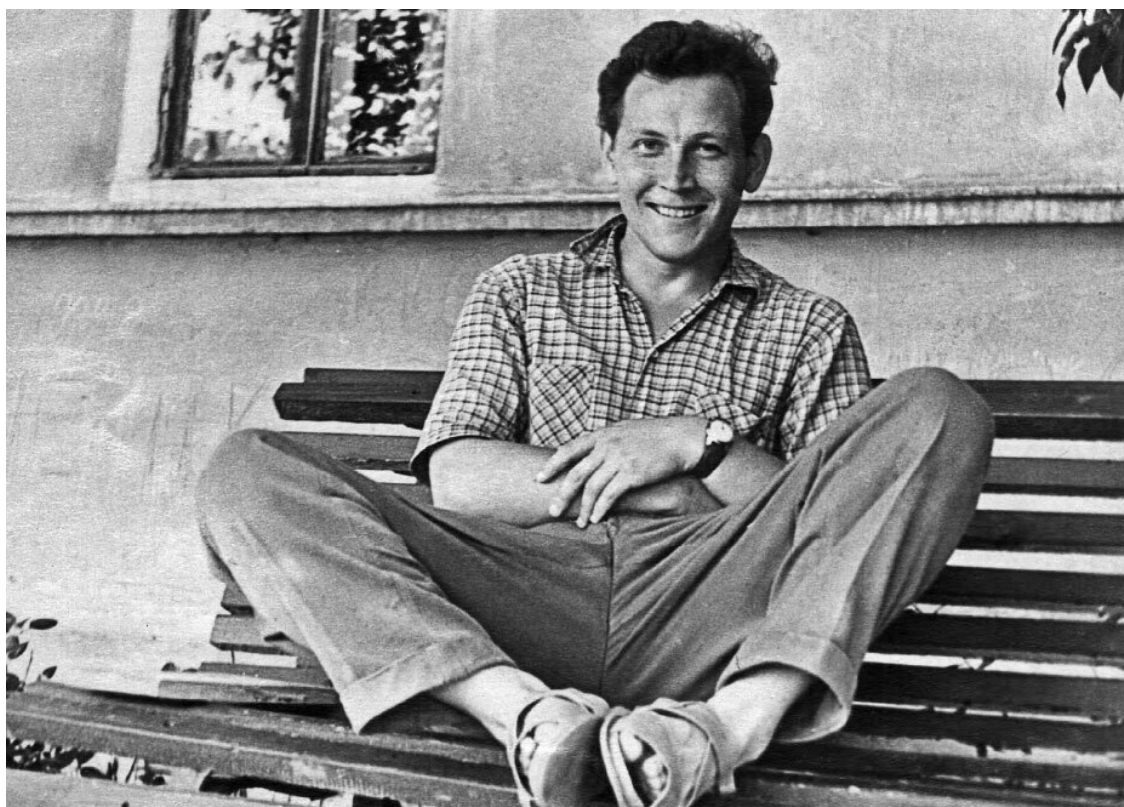
В Москву я приезжал на каникулах довольно часто и вместе с Галей ходил по моим любимым местам. Их было два – зоопарк и Планетарий. Почему зоопарк? Это понятно, зоопарк любят все дети. А Планетарий я обожал потому, что там устраивали всякие викторины, игры, интеллектуальные состязания, и я часто выигрывал и забирал призы. Галя не любила Планетарий, потому что выигрывала она редко, но ходила со мной – из вежливости.

Леонид Ефименко, Евгений Гусев, Сергей Голубков и Владимир Додух. Они не только вместе учились в Ленинградском технологическом институте, но и жили в одной комнате в общежитии, и дружили всю жизнь.

В 1953 году, когда я учился в девятом классе, умер мой отец, и отношения между нашими семьями охладели. Возможно, московская семья Гали посчитала нас не такой уж и родней – отец-то умер – и совсем не ровней, как нам с мамой показалось. Мне было обидно за маму, и я решил, что в Москву не поеду, не хочу с ними общаться. Поеду в Ленинград – там, как я слышал, тоже было много хороших вузов. Кстати, окончил школу я с серебряной медалью, уступив в соревновании Гале – она окончила с золотой.

Беззаботный мальчишка в считанные годы превратился в одного из лучших выпускников ЛТИ и по собственному выбору отправился работать на химический завод в Сталинград.

Каждый человек рождается для какого-то дела. Каждый имеет свои обязанности в жизни.

Эрнст Хемингуэй

Когда мечта о МИМО тихо умерла, я оказался на перепутье. Не то чтобы мне было всё равно, где учиться, скорее наоборот – я хотел учиться везде, мне всё было интересно. Так что я не выбирал себе вуз заранее, а положился на судьбу. Приехал из Орши в Ленинград на Витебский вокзал и решил, что буду поступать в тот вуз, который ближе всего к вокзалу. Первым мне попался Ленинградский технологический институт. И я, конечно, выбрал самый опасный факультет – инженерный химико-технологический, где готовили химиков-технологов для производства взрывчатых и отравляющих веществ. Эта профессия показалась мне стопроцентно мужской.

На втором курсе я неудачно сдал экзамены и лишился стипендии. Мама говорит – придется тебе на каникулах деньги заработать, и отправила меня на три месяца к друзьям укладывать рельсы. Правда, попросила друзей меня не спаивать и следить, чтобы не покалечился и не надорвался. Друзья слово сдержали. Работа была сложная физически, поэтому я возмужал, накачал мускулатуру и заработал на шесть месячных стипендий. Все деньги оставил маме, боялся, что в Ленинграде или по дороге могут украсть, и она высылала мне их каждый месяц. Но в Ленинграде я тем не менее подрабатывал разгрузкой вагонов – всё время хотелось есть, так что все деньги уходили на еду.

Ведущие профессора моей кафедры – Вульф Григорьевич Немец и Евгений Григорьевич Сочилин – с первого курса присматривались к нам. И на четвертом курсе выделили меня и ещё двоих моих одногруппников. Кстати, наша группа была очень сильной, все стали кандидатами и докторами наук, а 15 человек (из 21) – профессорами. Итак, выделили троих студентов – для чего? Нам и только нам в группе доверили синтезировать боевые отравляющие вещества в лаборатории института. В общем-то – в центре Ленинграда. Профессора, видимо, поняли, что можно довериться нашему чувству ответственности, нашей собранности и организованности, что мы не будем хулиганить и зарываться. И действительно – все синтезы мы выполнили без проблем и отклонений. Остальным студентам оставалось лишь смотреть на нас. Тогда-то я и перестал бояться – когда делаешь всё правильно, бояться нечего. Кстати, на всех заводах, производящих химоружие, которые впоследствии были в моём подчинении, не было ни одного смертельного случая от отравления.

Тогда эти два профессора сделали главное – они убедили меня, что я выбрал правильную профессию, что химия – это моё. Они с гордостью следили за моими успехами, возили ко мне на завод в Волгоград студентов на практику и были счастливы. Мы дружили семьями, и с их легкой руки я стал почётным профессором ЛТИ.

Интересно, что и моя двоюродная сестра Галя стала химиком, кандидатом химических наук. Тут поневоле задумаешься о том, что предрасположенность к какому-то виду деятельности, определенные способности заложены в человеке на генетическом уровне, от рождения. Нужно лишь вовремя распознать эти способности и следовать их зову. Мне в этом смысле очень повезло: я был рождён химиком и стал им.

Инга: второй голос

Как мне повезло, что на пути Сергея оказался именно ЛТИ, в котором я училась в тот момент! Я думаю, что будь это какой-то другой вуз, Сергей с его интересом ко всему и там добился бы успеха. Он умел влюбляться в дело и погружаться в него без остатка. Он мог быть кем угодно в технической области. Но в этом случае это была бы другая жизнь, и нашего шестидесятилетнего союза не случилось бы.

Да, Сергей был ярким химиком, но не только – он был ещё и настоящим учителем. Вкус к преподавательской работе он почувствовал уже на заводе. Этому всячески способствовал профессор Евгений Григорьевич Социлин, буквально вырастивший из Сергея педагога. Он привозил студентов на практику и сразу же знакомил с ними Сергея. С этой минуты студенты буквально прилипали к нему и всю практику ходили за ним хвостом. Были, конечно, и прогульщики, и «сачки». К ним он был беспощаден – назначал штрафы в виде общественно полезных подсобных работ в цеху, что, впрочем, не освобождало их от выполнения программы практики. Зато вечерами и в выходные дни наш дом превращался в Дом культуры и отдыха с песнями, танцами, шахматами и преферансом. Несмотря на скромные возможности, нам удавалось подкармливать вечно голодных студентов.

В это же время Сергей взялся за заводскую молодёжь, учившуюся на вечернем отделении Сталинградского политехнического института. Так наш дом стал ещё и учебно-консультационным центром, где курсовики и дипломники могли получить ответ на любой вопрос. Более того, Сергей помог нескольким парням перевестись в ЛТИ на дневное отделение. Впоследствии все они стали крупными руководителями на предприятиях отрасли. А Толю Лукашова, начальника смены на заводе Сергея, даже выдвинули на должность заместителя Председателя Госплана СССР.

А потом Сергей организовал на заводе практику для слушателей Академии химзащиты. Несколько поколений выпускников академии до сих пор вспоминают, как много знаний и навыков они получили на этой прекрасно организованной практике.

Он любил свою профессию и передавал эту любовь всем молодым специалистам, кто попадал в его орбиту, а раз попав, уже не мог с неё сойти. Такова была удивительная сила его притяжения.

Путь к сердцу мужчины...

Путь к сердцу мужчины лежит через его желудок. Эту тропинку, да нет, какую тропинку – столбовую дорогу, протоптали миллионы женщин разных эпох. История моей любви – ещё одно тому подтверждение.

Когда я приехал в Ленинград поступать в институт, я был, конечно, стопроцентным провинциалом, причем воспитанным в белорусском духе: с девчонками мы дружили как с мальчишками, и вопросы секса нас не волновали. На моём факультете, инженерном химико-технологическом, учились преимущественно парни, девочек можно было пересчитать по пальцам одной руки. Среди моих друзей были только мальчишки, однокурсники. Поэтому первые три года девушки меня совершенно не интересовали.

И тут грянула целина. Студентам дали возможность поработать в летние каникулы на уборке целинного хлеба. Это были прообразы стройотрядов, которые появились позже. Я очень хотел поехать на целину и оказался в первых рядах добровольцев. Это был 1958 год. Каждый факультет формировал свой отряд из 30 человек и получал своё назначение – куда ехать. Отряд моего факультета, в котором были в основном мальчишки, и отряд факультета органической химии, состоящий почти из одних девчонок, получили одно и то же назначение в Казахстане.

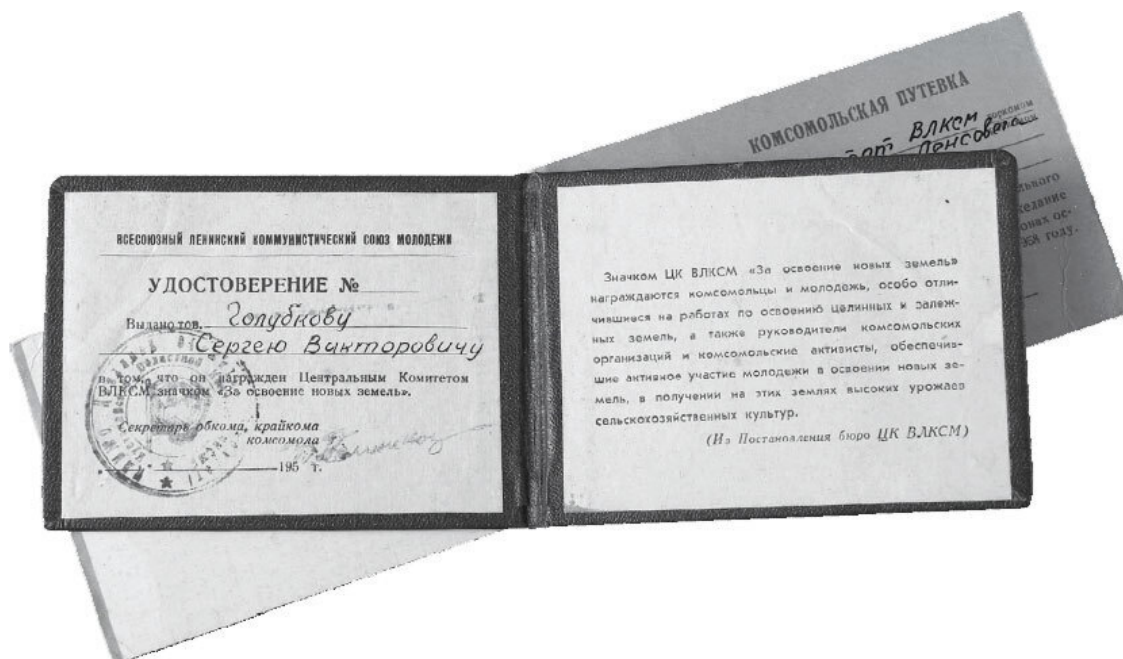

По дороге на целину: пока ещё чистые и не загорелые. Сергей – крайний справа.

Ехали налегке не столько от предусмотрительности, сколько от бедности. У меня были одни крепкие штаны, в них я и поехал. До Казахстана мы добирались в теплушках, в которых возили скот. Наш поезд еле полз и подолгу простаивал на станциях, как любые товарняки. В Кунгуре мы застряли надолго, поэтому рванули с ребятами посмотреть пещеры. Когда вернулись – поезд уже ушёл. Пришлось нагонять его на пассажирских поездах, которые передвигались гораздо быстрее. В конце концов мы добрались до пункта назначения – совхоз имени Алтынцарина в Кустанайской области Казахстана.

*Те, кто озаряет жизнь других, не останутся сами без света.
Джеймс Мэтью Барри*

Два наших студенческих отряда определили на зерновой ток – очищать самосвалы от зерна и ворошить его, чтобы лучше просыхало и проветривалось. Зерно убирали скорее, чем вывозили с тока, оно быстро накапливалось в буртах и начинало «гореть». Нет, оно, конечно, не горело буквально, оно самосогревалось – температура в массе зерна могла подняться до 75 градусов. Происходило это из-за того, что зерно продолжало дышать, выделяя тепло, а теплопроводность зерна плохая. Когда бывало холодно, мы закапывались в зерно в буртах, грелись. Возила зерно с поля на ток колонна самосвалов, которую обслуживали 150 наёмных водителей, в основном украинцев.

Мне не хотелось работать на току – моя душа мичуринца звала меня в поле, и я попросился работать на комбайне. Бригадир комбайнёров я понравился, и он посадил меня на прицепной комбайн РСМ-8, громадный даже по нынешним меркам, и дал мне в напарники своего племянника-тракториста, ещё более молодого, чем я. А мне тогда было всего 20 лет. Бригадир провёл инструктаж, показал кое-какие приёмы и сказал: «Поля у нас ровные, справитесь». Надо сказать, что с этим юным трактористом у нас получился отличный тандем. Полтора месяца с раннего утра до позднего вечера мы занимались только одним – молотили, молотили и молотили. И намолачивали столько, что все только диву давались. Наш бригадир, хоть ни разу на комбайн так и не сел, после нашего отъезда получил Звезду Героя Социалистического Труда.

И всё бы ничего, да вот только меня никто не кормил и, похоже, не собирался – обо мне просто забыли, потому что все ребята работали на току и только я один – на отшибе, в поле. Бригадир выделял еду своему трактористу, и тот делился со мной, но очень малой долей. На самом деле кормить меня было не их заботой, студентов должны были кормить централизованно. Но как это сделать, если я не слезал с комбайна с утра до вечера?

И вот на четвёртый день, когда я уже начал чувствовать, что вот-вот протяну ноги, вечером после работы я рискнул пойти на кухню, которая работала на полевом стане недалеко от наших палаток. Все, кто работал на току, питались здесь. Пришёл на кухню, застал там девушку, которая оказалась Ингой. И не просто Ингой, а шеф-поваром, «спасительницей» – так её все называли. Она умела великолепно готовить и искусно командовала студентками,

которых ей дали в помощь. Причем Инга готовила и на студентов, и на водителей, которые привозили продукты. Украинцы с удовольствием у неё столовались. Инга была удивительно бесшабашная девчонка – водила грузовик, не имея прав, и возила на нём парней за 15 километров на озеро купаться.

Всё это я узнал позже. А тогда просто попросил воды. Чистая вода, к слову, была дефицитом на целине. Инга стала интересоваться – кто я и откуда. Я объяснил, что я тоже студент, просто работаю в поле, на комбайне, и что меня никто не кормит. Инга тут же накрыла стол и так прониклась, глядя на мой зверский аппетит, что взяла надо мной шефство и стала обо мне заботиться. Теперь мне в поле каждый день привозили обед, а вечером, когда бы я ни вернулся, меня всегда ждал сытный и вкусный ужин.

Через пять-шесть дней мы подружились, а недели через две я понял, что в Инге есть что-то невероятно притягательное и магическое. А Инга поняла это ещё раньше. Симпатия друг к другу стала разгораться не на шутку, и мы начали вместе проводить вечера – условно вместе, в компании парней и девчат. Инга привезла с собой на целину патефон, который ей буквально накануне подарили на день рождения, и несколько пластинок с популярным в то время джазом, так что вечерние танцы нам были обеспечены. Я ещё тогда подумал: «Какая молодец, позаботилась обо всех и не поленилась тащить с собой патефон».

Через три недели Инга объявила всем о нашей помолвке. Причём объявила неожиданно, но торжественно. В большой девчоночьей палатке Инга накрыла большой стол всякими вкусностями, которые привезла из районного магазина, включая бутылку вина. И вот, когда бутылка была открыта, Инга торжественно объявила, что мы с ней... помолвлены. Я открыл рот от удивления. Но быстро сообразил, что идея-то замечательная, и согласно закивал головой. Более того, заявил даже, что когда приедем в Ленинград, то обязательно поженимся.

Но вот целина закончилась, и мы расстались: Инга вернулась в Ленинград, а я поехал к маме в Оршу на пару недель. За ударную работу на комбайне со мной расплатились зерном – выдали двенадцать центнеров пшеницы. Не живьём, конечно, а в виде кучи справок, подтверждающих, что мне принадлежат эти 1,2 тонны зерна. Это было моё первое знакомство с рынком ценных бумаг. Забегая вперёд, скажу, что в Ленинграде на элеваторе я продал своё «зерно» почти за бесценок, но тем не менее этих денег мне хватило, чтобы купить костюм, который впоследствии стал свадебным.

Приехал я к маме в Ингиных синих сатиновых шароварах на резинке, которые ей сшила тётушка, потому что мои единственные брюки были изодраны на комбайне вдрызг. И мама, когда увидела меня в этих штанах, заплакала – поняла, что в моей жизни появилась женщина.

В октябре вернулся в Ленинград. Инга уже приступила к занятиям. За месяц разлуки мы ни разу не виделись, телефона тогда не было, и нам пришлось друг друга искать. Инга со своей подругой передала записку, что будет ждать меня под часами в главном здании института. Я пришёл раньше и, как на грех, встречаю свою условную приятельницу (в белорусском духе). Она расспрашивает про целину, и я ей рассказываю, что на целине случилась моя помолвка. Она в слёзы. Я стою и не знаю, что делать, и тут появляется Инга: «Серёжа, ну где ж ты?» Я не успел ответить, как Инга увидела плачущую девушку, повернулась и пошла прочь. Я побежал за ней. Мы молча гуляли два часа. Просто шли рядом. Замерзли страшно. Инга говорит: «Ну что, пошли ко мне? Поговорим?» Я согласился. Пришли домой, выяснили отношения, и я остался. Остался навсегда.

Инга была из Петрозаводска, и мама снимала ей комнату в коммунальной квартире. Жила она в комнате с мальчиком-школьником двенадцати лет, Толиком, которого опекала, – её опека была платой за эту комнату. С этого дня мы с Ингой стали жить вместе, хотя тогда это было, мягко говоря, не принято, и смотрели на нас косо. Вот с этого мы и начали.

Инга: второй голос

История нашего знакомства ещё более романтичная. Впервые я увидела Сергея на пути от железнодорожной станции в Кустанае к месту работы на стане, куда нас везли несколько часов по голой степи «вповалку» в открытых грузовиках. Жара была несусветная, воды с собой не было. Наконец сделали привал у степного «озера» – громадной мутной лужи. Но для нас это было море в пустыне. Все кинулись в воду, полоскали пропылённые волосы, пытались постирать одежду после длительного пути в теплушках.

Через час был дан приказ «по машинам». Здесь караван машин (это были отряды из разных институтов Ленинграда) разделялся по местам назначения. К нашему грузовику подошёл молодой человек в серых брюках (!), белой (!) рубашке и с копной кудрявых волос на голове – красавчик! Он вскочил на колесо грузовика, заглянул в кузов: «Все на месте? Всё в порядке? Вперёд!» Мы видели его впервые и решили, что это какой-то начальник. Как потом оказалось, у него просто не было другой одежды и его, сжалившись, везли в кабине грузовика. А начальником он назначил себя сам, поскольку сопровождающий нас преподаватель оказался «утомившимся». Откуда мне было знать, что это моя судьба заглянула к нам в кузов? Меня он, конечно, не заметил в толпе. А мне, как и многим нашим девчонкам, приглянулся. И каково же было моё изумление, когда через несколько дней я увидела на кухне полевого стана того пижона, что пересчитывал нас в грузовике.

Почему я объявила о «помолвке»? Как эта мысль пришла мне в голову? Я впервые в жизни встретила человека, которого приняла полностью со всеми его достоинствами и недостатками, который отвечал всем моим высоким требованиям к спутнику жизни, который воспринимал жизнь и себя в ней так же, как и я. Это был мой человек, моя половинка, и я испугалась, что могу его потерять. Поэтому, как только он обмолвился, что хочет и дальше быть вместе, я тут же решила объявить об этом всему миру. Правда, увидев недоумение в его глазах, даже испугалась, не поспешила ли я, может, неправильно его поняла? Но отступить было поздно.

Эта новость моментально облетела наш отряд. На следующий день со мной стали секретничать все однокурсницы Сергея. Мол, нельзя ему верить, у него в Ленинграде есть девушка, он не такой, каким мне кажется.

Единственное, о чём я его спросила тогда, это насчёт девушки. Получила отрицательный ответ и успокоилась – остальное для меня не имело никакого значения.

Берём!

Мы с Ингой начали жить вместе, обойдясь без родительского благословения. Мы даже не были знакомы с семьями друг друга. Я лишь знал, что у неё мама живёт в Петрозаводске, вместе с бабушкой и Ингиной сестрой, инвалидом, и все – в одной квартире в деревянном двухэтажном доме. Инга знала, что моя мама живёт в Орше, а братья живут отдельно, сами по себе. Вот и все сведения. В те годы молодые люди вообще не заморачивались социальным и имущественным положением, а мы с Ингой – тем более, нам хватало друг друга, мы ни о чём другом не думали.

Но однажды Инга говорит – есть возможность познакомиться с моей мамой. Конечно, говорю, всегда готов, но как? Она же в Петрозаводске. «Мама должна ехать в Москву, а поезд идёт через Ленинград, вот на вокзале и встретимся», – отвечает Инга. Приехали на Московский вокзал, и Инга остановилась у депутатского зала. Вскоре объявляют, что поезд Петрозаводск – Москва прибыл. И через три минуты появляется женщина. Она идёт к нам стремительным, широким шагом, полы плаща развеваются. Под плащом строгий костюм, а во рту – папироса «Беломорканал». «Знакомься, это моя мама, Нина Павловна», – сказала Инга. Не помню, что я ответил. Помню только, как обалдело смотрел на значок депутата Верховного Совета, который красовался на груди у мамы. А в голове промелькнуло: хочешь быть достойным такой мамы – надо делать карьеру.

Фотография из фотоателье сразу после загса 18 декабря 1958 г.

Молодожены на своей свадьбе в Петрозаводске 25 января 1959 г.

Нина Павловна осмотрела меня внимательно с ног до головы, перевела взгляд на дочь и сказала: «Я бы просила вас, во-первых, подождать со свадьбой до окончания института. (Мне оставалось два года, Инге – год.) А во-вторых, хотелось бы понять, что это за парень. Отвези его в Разлив. Как Милица решит – так и будет. Меня не провожайте». Развернулась и ушла. Я понял, что, возможно, у меня будет очень строгая тёща. И стал интересоваться, кто же у нас мама. В то время мама была вторым секретарём горкома партии Петрозаводска Карельской АССР.

Инга трепетно относилась к поручениям мамы, поэтому в ближайший выходной мы отправились в Разлив. По дороге Инга дала вводную. Милица – это её тетка, родная сестра Нины Павловны. Её муж, дядя Костя, работал слесарем-инструментальщиком 7-го разряда на Сестрорецком оружейном заводе. Их сыновья, Володя и Олег, оба работали на том же заводе. Ещё была дочка Верочка, девчонка одиннадцати лет. «Ты не тушуйся, – успокоила меня Инга, – они люди простые». Но я был весь в напряжении от предстоящей встречи, от которой, возможно, зависело счастье моей жизни.

Приехали на станцию, Инга мнётся и показывает на магазин. Действительно, надо что-то купить, с пустыми руками в гости неудобно. Показываю на полку с вином, но Инга замотала головой – нет, не надо вина, купи что-нибудь покрепче. Водку что ли? «Старку»? Надо сказать, что к тому моменту я ни разу водку не пробовал, студентам она была не по возрасту и не по карману, если пили, то дешёвое вино. Но слово «Старка» я слышал, поэтому произнёс его уверенно, как человек, понимающий в этом толк. «Да, «Старку», две бутылки», – заулыбалась Инга.

Теперь можно и в гости. А вот и дом, большой, деревянный, двухэтажный на берегу озера Разлив. Это был дом родителей дяди Кости из Кронштадта, полученный молодожёнами в подарок в день свадьбы. Комнат много, но все они сданы дачникам. Правда, дело было в октябре, все дачники разъехались, поэтому семья жила свободно.

Человек существует для чего угодно, но только не для себя самого.
Эрих Фромм

Дома нас встретили Ингина тётка и её дочка Верочка. Мужчины ранним утром уехали на рыбалку на Разлив, так у них было заведено по выходным. Но вскоре они появились с каким-то фантастическим уловом. Там было килограммов восемьдесят разной рыбы (лещей, окуней, плотвы), которую все взялись споро распределять – эту на продажу, эту на сушку, эту на готовку, эту в погреб на засол... И после этого женщины принялись готовить. Надо отдать должное и тётке, и её одиннадцатилетней дочке, и Инге – все они готовили здорово, а рыбу разделявали просто виртуозно.

К часу дня обед был готов и стол накрыт. За большим столом сидели дядя Костя, сыновья, Володя и Олег, я, две женщины, тетя Милица и Инга, и Верочка. Перед каждым мужчиной стояла поллитровка обычной водки и стопка, по объему соответствовавшая ровно одной шестой бутылки. Перед женщинами – по бутылке «Старки» и такие же стопки. А перед Верочкой – две бутылки пива, которое считалось, видимо, детским напитком.

Я Инге говорю – слушай, я водку не пью. Она смотрит на меня и отвечает – надо, деваться некуда. Первой свои две бутылки пива выдула Верочка, буквально за пять минут. Пришлось и мне – действительно, куда же деваться? Закуска, уха и другие блюда были такими вкусными, что водка проскочила легко и непринуждённо, и я наравне со всеми «уговорил» свою бутылку. Захмелел, конечно, но пьяным не был. К концу обеда дядя Костя, чрезвычайно выразительный мужчина, говорит: «Ну что, Инга, Серёга – парень наш. Берём!» И тут же – старшему сыну: «На тебе червонец, беги в магазин и купи ещё две бутылки, надо это обмыть, чтобы крепко было». Говорю Инге – я точно больше пить не смогу. А она опять отвечает – потерпи, никуда не деться. Думаю, что же придумать такого, а ну как вырвет, позору не оберёшься!

Но тут прибегает Вовка и говорит: «Пап, магазин закрылся на обед на два часа». Отец отвечает «Ну и дурак». Кто дурак, я так и не понял – продавец в магазине или сын? – но сообщил, что у меня есть шанс. Семья предложила нам, пока магазин не открылся, прогуляться, посмотреть на местную достопримечательность – «Сарай Ленина». Это был сеновал в доме рабочего сестрорецкого завода, где Ленин скрывался перед тем, как перебрался в знаменитый шалаш на берегу Разлива. Я согласно закивал головой, но, как только мы с Ингой вышли на порог дома, я схватил её под руку и – огородами, огородами, потащил на вокзал, на электричку.

Смотрины прошли успешно, и нас пригласили на Седьмое ноября в Петрозаводск познакомиться с семьёй. Я очень понравился Ингиной бабушке. Симпатия была взаимной. Но мне не понравились бабушкины кошки, которых было больше, чем членов семьи. Вонь в подъезде стояла та ещё. Бабушка это заметила, и в следующий наш приезд кошек в доме как не бывало – всех она пристроила в хорошие руки. Между мной и кошками она выбрала меня – испугалась, что из-за кошек я не буду приезжать в Петрозаводск. Так что и здесь смотрины прошли с хорошим результатом. Но мама снова попросила отложить свадьбу до конца учебного года, боялась, что Инга может выбыть из строя по естественным причинам и не окончить институт.

Однако, вернувшись в Ленинград, мы тут же побежали в загс и подали заявление. А нашим сокурсникам объявили, что устраиваем досрочную студенческую свадьбу. Двадцать восьмого ноября в учебной комнате общежития собрались две наши учебные группы – около 60 человек. Инга проявила все свои кулинарные таланты, и, помимо традиционных салатов, на столе были волованы с грибами, пироги с разной начинкой, несколько кастрюль тушёного мяса с картошкой. Пили водку как настоящие химики. Для особо нежных поставили несколько бутылок вина. В общем, застолье получилось широким. К этому случаю у меня уже был приготовлен костюм, купленный на «зерновые» деньги. А Инге портниха сшила платье из белого технического капрона.

Восемнадцатого декабря нас расписали. Мы пришли в загс вдвоём, свидетелей тогда не требовалось. Работница загса посмотрела недоумённо – а где друзья, родители? Родители, говорю, дома, ждут у телефонов. Зачем я это сказал, сам не пойму, наверное – пошутил, домашние телефоны тогда были редкостью. Работница загса только хмыкнула в ответ на это и – объявила нас мужем и женой.

Потом зашли в ближайшее фотоателье, сделали стандартный свадебный снимок в семейный альбом. Купили в магазине бутылку вина «Российское полусладкое», нехитрую закуску вроде красного и белого зельца, капусты провансаль, хлеба и прекрасно посидели дома вместе с Толиком, Ингиным воспитанником.

Когда мы сообщили родителям, что поженились, нас пригласили на зимние каникулы в Петрозаводск на мамин день рождения 24 января. А на следующий день, 25 января, тёща закатаила нам настоящую семейную свадьбу. На нашу свадьбу пришли не только члены семьи, не только моя мама, приехавшая вместе с нами, и школьные друзья Инги, но и друзья самой Нины Павловны – заведующие отделами обкома, второй секретарь ЦК Карельской АССР, члены правительства... Собственно, организовал свадьбу Вадим, брат Инги. Ради этого он специально прилетел из Праги, где учился в университете.

На свадьбе был и отец Инги, Павел Михайлович Гулятьяй, о котором впоследствии я узнал много интересного. С женой они разошлись много лет назад – в молодые годы отец предпочитал богемную жизнь с друзьями, театрами и капустниками. Ведь он был писателем-драматургом, работал заведующим отделом культуры Совмина Карелии. Во время Финской войны служил комиссаром в дивизии и отличился тем, что вывел дивизию из окружения, за что был награждён орденом Красного Знамени и стал знаменитым в Карелии человеком. Хотя все предыдущие годы, как говорила Инга, он не принимал никакого материального участия в воспитании детей, а их было четверо, на нашу свадьбу он подарил Нине Павловне кольцо с аметистом, а нам, молодой семье, – набор серебряных рюмочек на подносе с красивой гравировкой, он хранится у нас до сих пор.

Роскошный подарок мы получили от Нины Павловны – свадебное путешествие ближайшим летом. Это был круиз на дизель-электроходе «Ленин» (бывший «Муссолини», полученный по репарации из Италии) по маршруту Кижы – Астрахань – Кижы. Мы посмотрели все города Поволжья и тогда-то вместе с Ингой выбрали Сталинград как будущее место работы. С химзаводом я уже был знаком по практике на третьем курсе, а город поразил своим патристическим величием. У нас просто сердце замирало, когда мы ходили по его улицам.

Свадебные подарки мы храним до сих пор. Статуэтка «Царевна-лягушка» из кости с гравировкой «Сергею и Инге в день свадьбы» и серебряная конфетница с надписью «Всю жизнь – медовый месяц» от наших однокурсников, два синих хрустальных бокала, два набора чайных серебряных ложек, два сервиза Ломоносовского фарфорового завода, столовый и чайный... Почему я так точно перечисляю? Да потому что на серебряную свадьбу Инга устроила дома выставку «Им тоже 25!», на которой выставила все уцелевшие свадебные подарки. На самом деле их было значительно больше. Но что-то побилось, постельное бельё и скатерти сносились... В наше время деньги было не принято дарить. Но что деньги? Потратил – и нет их. А подарки живут до сих пор. Посмотришь на них и вспомнишь счастливую юность.

Инга: второй голос

Я не допускала мысли, что Сергей может быть ревнивым. Но столкнулась с этим прямо на нашей студенческой свадьбе. Мы с подружкой решили проветриться и пошли через комнаты общежития, где кипела своя ночная жизнь. В учебной комнате мы гуляли нашу свадьбу, а тут, в двух шагах, – вечерние танцы в полумраке. Из зала с танцами высыпали ребята, увидели меня в белом платье невесты и с возгласами «Невеста!», «Танец с невестой!» затащили нас в танцевальный зал. Мы с подружкой задержались лишь на пару танцев, а потом пошли своей дорогой. Однако на «дороге», рядом с танцзалом, меня уже ждал Сергей. Он окатил меня ледяным взглядом и процедил: «Я считаю, что между нами всё кончено». Я сказала «хорошо» и пошла одеваться.

Стоял ноябрь, на улице было жутко холодно, дул ледяной ветер. А на мне лёгкие туфельки и продуваемое пальтишко. Я медленно шла к трамваю, чтобы ехать к себе на Васильевский остров. Не плакала, поскольку точно знала, что догонит. Наконец услышала за собой шаги и голос Сергея: «Ты же замёрзнешь, пошли обратно». «Но у нас же всё кончено! – говорю. – Я еду домой». Он кое-как уговорил меня вернуться и, не доходя до общежития, стал читать мне лекцию, что девушке не подобает так себя вести. Если я в первый день свадьбы иду танцевать незнамо с кем, то что же будет потом?! Возмутился, надо сказать, вполне искренне. На что я ответила, что с его взглядами категорически не согласна и если я его не устраиваю, то расходимся.

Сергей подумал и сказал: «Давай будем считать инцидент исчерпанным и договоримся впредь не ссориться больше пяти минут. Кто-то должен прервать ссору и извиниться, признав вину». Мы все шестьдесят лет соблюдали это правило. Правда, если я была виновата, то я через пять минут извинялась. Если же виноват был Сергей, то через пять минут подходил и говорил: «Ну ладно, я тебя прощаю». И мы хохотали.

1961–1974

Битва с аппаратчиками

Что предлагают молодому инженеру-технологу, приехавшему на завод по распределению? Предлагают должность начальника смены. Но я отказался и попросился в аппаратчики, чтобы освоить все азы и увидеть цех изнутри. И хотя все окружающие, включая начальника цеха, восприняли моё желание как придурь, я нисколько о том не жалею, потому что это были мои настоящие заводские университеты. Я попал в компанию к главным людям завода – высококвалифицированным аппаратчикам, без которых химический завод мёртв.

Сорокалетние мужики, уже познавшие все тайнства своей профессии и особенности цеха, в который я пришёл, смотрели на меня с любопытством – всё-таки парень с дипломом о высшем образовании, тогда это была редкость. Оказалось, что им интересно моё мнение по самым разным вопросам, они даже попросили проводить им политинформацию, рассказывать, что происходит в мире на фронте борьбы социализма с капитализмом. Я, разумеется, охотно согласился, мне даже в голову не пришло, что они прикалываются. Они и не прикалывались, а в ответ обучали меня всему, что знали сами.

Так работали аппаратчики в цехах спецхимии, которой Сергей Викторович занимался всю жизнь.

Это был цех спецхимии, военной химии, очень опасной. От точности и грамотности твоих действий зависела не только твоя жизнь, но и жизнь заводчан. В цеху работало несколько линий, причём попеременно – полнедели линия стояла, полнедели работала. Эти технологические остановки были необходимы, чтобы очищать оборудование и аппараты, которые быстро забивались. Каждый пуск был важнейшей и критической точкой, требовавшей особого мастерства. В моей смене работало два десятка человек, но пуски доверяли только троим – Петру Андреевичу Бодрову, Александру Ивановичу Свешникову и Николаю Дмитриевичу Лисиц-

кому. У них была просто дьявольская интуиция, они умели слушать реакторы и по звуку работающего оборудования определяли неполадки. Но порой, даже не видя очевидных неполадок, они просто запрещали пуск – так им подсказывало чутьё. За всё время моей работы на заводе ни одного ЧП в этих цехах не случилось, и всё благодаря аппаратчикам.

Так мы и работали бок о бок. Я искренне восхищался их мастерством, тем самым повышая их самооценку, а они учили и страховали меня. Спустя какое-то время они пришли к начальнику цеха и сказали: «Отличный парень, этот Голубков, ставь его начальником смены, нечего ему болтаться среди аппаратчиков». Иными словами, народ меня выдвинул, и меня сделали начальником смены.

Это был мой первый опыт настоящей руководящей работы. И я очень быстро осознал всю сложность моего положения. Вчера мы, аппаратчики, были ровней, друзья-приятели, а сегодня я – их начальник. Я же все их секреты-уловки знаю, так что – мне на них теперь глаза закрывать и терпеть? Или что? Больше всего меня волновало пьянство на рабочем месте. Спирт был доступен, и на работе пили почти все, включая моих аппаратчиков. Когда я был одним из них, они меня, естественно, не стеснялись, даже предлагали поначалу налить, но я не пил совсем и отказывался с твёрдостью. Принципы аппаратчики уважают, так что больше мне уже не предлагали. Я тоже молчал, не мне учить жизни мужиков, которые мне в отцы годятся.

Но когда я стал начальником, то задался целью эту заразу извести. Вёл разъяснительные беседы, увещевал и призывал – бесполезно, всё отскакивало как от стенки горох. То ли мои разговоры им надоели, то ли решили они меня подколоть... Как бы то ни было, подходят однажды ко мне аппаратчики моей смены и говорят: «Давай сделаем так – если ты нас перепьёшь, то есть мы упадём первыми, тогда мы завязываем». Отлично, говорю, согласен, только играем по моим правилам.

Если есть Зачем жить, можно вынести почти любое Как.

Фридрих Ницше

Дело было накануне Седьмого ноября. Возле пульта управления посмотреть «бой» собралась вся смена, кроме дежурных аппаратчиков. Против меня выставили двух испытанных бойцов, офицеров запаса, подполковника и майора. Выпить они могли ну очень много, с ними в честном бою тягаться – только позориться. Для того я и предложил свои правила. Времени на это развлечение у нас нет, говорю, поэтому пьём быстро – один стакан спирта, через короткий перерыв второй... Кто первый упадёт, тот и проиграл. Мои противники согласились и попались на этом.

Как правильно пить спирт меня научили ещё на кафедре в институте. Главное правило – не запивать водой, терпеть и просто занюхать. А мои противники всегда запивали спирт водой – мне ли не знать! Запивали потому, что хотелось, и потому, что пили не спеша. И вот полные стаканы уже стоят на пульте управления, дан старт. Я хлопнул стакан и стал нюхать хлебную корочку. Мои противники тут же потянулись к воде. На ногах устояли все. Прошло 15 минут, и мы хлопнули по второму стакану. Я устоял на ногах, а мои противники легли сразу. После этого я собрал все силы в кулак, чеканя шаг дошёл до заранее намеченного места в коридоре и лёг. Я знал, что мне нужно проспать два часа, чтобы вернулась дееспособность. Так и вышло.

В общем, я стал героем, а мои противники, надо отдать им должное, выполнили условие боя – все (!) аппаратчики в моей смене перестали пить на работе. Из принципа. Моим противникам по бою, тем двум офицерам, эта история пошла только на пользу – их карьера быстро пошла в гору, и они стали на заводе видными профсоюзными деятелями.

Волшебство – на седьмой день

С какими чувствами люди приходят сегодня на работу? О, это огромный спектр, в котором, как я наблюдаю, усталость, ненависть к начальнику, страх, раздражение и тоска сильно перевешивают радость и азарт. Редко кто испытывает счастье. Верите, но все годы и слагающие их дни, которые я проработал на Волгоградском заводе им. С. М. Кирова – от аппаратчика до главного инженера, – были по-настоящему счастливыми. Каждый день я чувствовал, что занят чрезвычайно важным делом, я видел результаты своего труда и знал, что их ждут по всей стране. Это вдохновляло невероятно. Тогда химическая промышленность была актуальна как никогда – она почти мгновенно откликалась на внешние события и задания, которые давало правительство. А мы ощущали себя немного волшебниками: нам ставили сложную задачу, и мы быстро решали её в сроки, которые сегодня кажутся невероятными.

Вот пример. Первого мая 1961 года над Свердловском сбили самолёт-шпион U-2 с Фрэнсисом Пауэрсом, американским лётчиком. Пауэрс успешно катапультировался, а самолет, разумеется, разбился. Но его обломки нашли, а в них – гидравлическую жидкость трибутилфосфат. Стоит напомнить, что трибутилфосфат – это не просто компонент гидравлической жидкости. Это вещество – выдающееся изобретение человечества, потому что обладает свойствами уникального экстрагента, способного вытащить ценные металлы из природного сырья и продуктов вторичной переработки. Впрочем, это выяснилось чуть позднее, когда производство этого уникального вещества мы уже наладили.

Тогда, в 61-м, нашему заводу поручили в короткий срок организовать производство трибутилфосфата. К этому времени я уже работал начальником смены. Вместе с Владимиром Николаевичем Троицким, технологом цеха, мы очень быстро нарисовали проект, и через полгода стали производить этот продукт в том количестве, которое нужно было стране. Помню, я тогда ещё подумал – надо же, так я, оказывается, что-то умею и что-то могу. В Ленинградском технологическом институте, моей альма-матер, нам давали хорошее инженерное образование. Но здесь, на заводе, я, по сути, впервые применил эти знания, и у меня получилось! Я понял, что я могу. А заводское начальство тоже подумало – надо же, а этот парень чего-то стоит. И сделало выводы: меня назначили начальником установок – большого корпуса, в котором стояли несколько установок, производящих этилмеркаптан, меркатофос, тиофос, разные полупродукты.

Были в нашей практике случаи, которые действительно походили на волшебство. Да взять хотя бы вот этот – с дефолиантом. Он произошел как раз вскоре после того, как меня назначили начальником установок. Дефолиант, согласно названию, вещество, заставляющее растение сбрасывать листья. Это были 1962–1963 годы, когда государственная программа химизации уже пять лет стремительно продвигалась вперед. Тогда в повестке дня стояли удобрения и ядохимикаты для сельского хозяйства. Почему именно они? Потому что нужны были большие урожаи, чтобы накормить страну, и нужно было много растительных волокон, чтобы одеть страну. Министерство поручило нам создать производство самого современного по тем временам дефолианта бутифоса.

Мы очень быстро, в течение года, решили эту задачу. Здесь нам помогли специалисты из Всесоюзного научно-исследовательского института защиты растений (ВНИИХСЗР) – выдали готовую технологию. А мы приспособили её под наше производство и одной работающей установкой обеспечили потребность страны в этом дефолианте. Однако надо было убедиться, что мы производим то, что надо, – что вещество работает. И меня направили в Узбекистан на испытания на хлопке.

Я взял с собой канистру бутифоса в самолет. Тогдашние правила авиаперевозок были намного мягче нынешних, но я и их нарушил, хотя канистра была тщательно и герметично упа-

кована. С пересадками мы с канистрой долетели до Ташкента, а оттуда добрались до Среднеазиатской машиноиспытательной станции (САМИС) под Ташкентом. Здесь испытывали новую сельхозтехнику, новые удобрения и ядохимикаты. Директор станции, дважды Герой Социалистического Труда, очень колоритный и энергичный мужчина, даже с пистолетом в кобуре для пущей убедительности, принял меня, выслушал и говорит – давай попробуем.

Надо сказать, что бутифос действует только на седьмой день после его однократного внесения на поле. Именно тогда опадают все листочки растения, а коробочка с хлопком полностью раскрывается. Иными словами, хлопчатник становится пригодным для машинной уборки. То ли я плохо это объяснил директору, то ли он просто не обратил внимания на мои слова, но они прошли мимо его ушей. Он поручил своим летчикам распылить препарат на поле хлопчатника. Я же, как член экипажа, готовил растворы нужной концентрации. Мы обработали громадное поле. И стали ждать. Но узбеки, как дети, оказались нетерпеливыми. Первые два дня они ходили к полю каждые пять минут. А на третий, увидев, что ничего не происходит, потеряли к нему, а заодно и ко мне, всяческий интерес. И самое ужасное – сняли меня с довольствия.

На седьмой день рано утром в мою комнату в общежитии врывается какой-то человек, хватая меня с постели в охапку, тащит в машину и куда-то везёт, ничего не объясняя. Ну, думаю, сейчас что-то будет, причём что-то неприятное. Но оказалось всё наоборот. Он домчал нас до экспериментального поля, где уже бегал возбуждённый директор станции, приговаривая: «Нет, вы только посмотрите!» А посмотреть было на что: всё поле было белое-белое, как будто ватные облака опустились на землю и накрыли растения. Но это были не облака и не снег, а раскрывшиеся коробочки хлопчатника, который к тому же сбросил все свои зелёные листочки. Всё, как и обещано, – ровно на седьмой день.

Каждое чудо должно найти своё объяснение, иначе оно просто невыносимо.
Карел Чапек

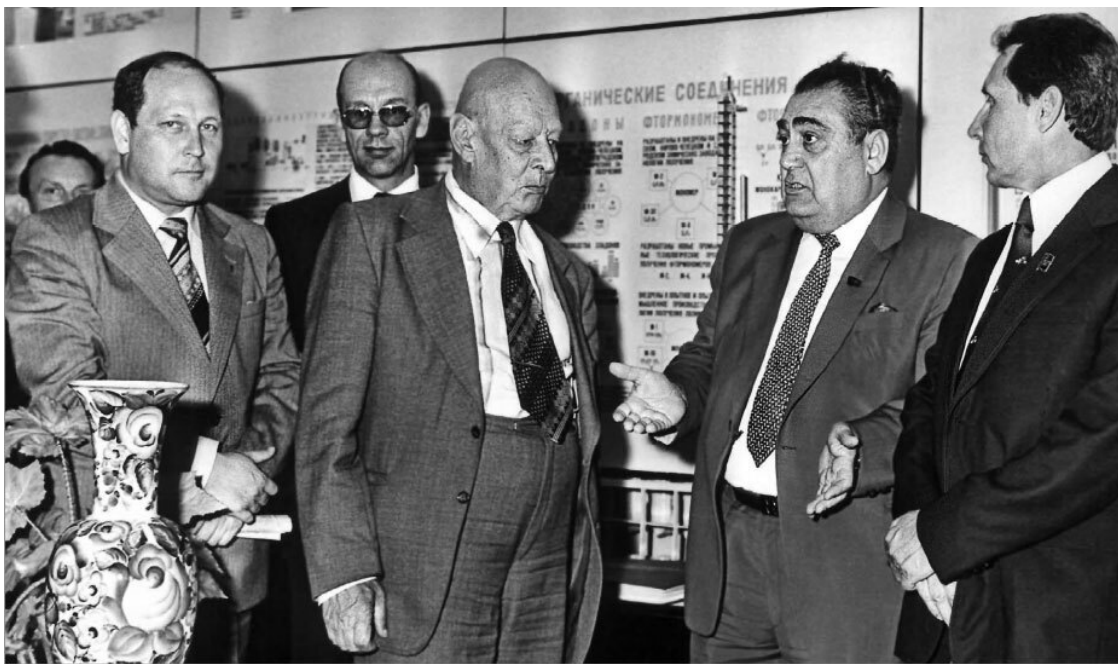
Восторгу не было конца. Меня опять усадили в машину и повезли в Дом приёмов – отмечать это радостное событие. Сначала меня поили чаем без всего. Потом принесли сахар – и был чай с сахаром. Потом принесли конфеты – был чай с конфетами. Потом принесли печенье – был чай с конфетами и печеньем, и я подналег на них, потому что сильно проголодался. Когда принесли яичницу, я смог её съесть с трудом – желудок был забит сладостями. И вот когда у меня было уже полное пузо, на празднование приехал директор станции – и вынесли шашлыки и плов. Я говорю – ужас, у меня не осталось места в животе для плова! А мне говорят – а ты сходи за угол и освободи место для плова, дело житейское. Дело, конечно, житейское, более того – с давней историей со времён Нерона и Лукулла. Но зачем же перед обедом кормить сладким? Оказалось, что это обычный порядок застолья в Узбекистане. Начинают с чая и медленно, постепенно втягиваются в процесс в ожидании главного блюда. Но поскольку все узбеки знают местные порядки, то они и пьют чай, соответственно, в расчёте на главное блюдо. У них место для плова всегда остаётся. А я не столько пил чай, сколько с голодухи «ел» его с печеньем и конфетами.

Испытания, включая застольное, прошли успешно, я вернулся в Волгоград совершенно счастливый, а вслед за мной приехали гонцы из Ташкента с чемоданом денег – за бутифосом. Потом на протяжении многих лет Узбекистан использовал бутифос на полях и благодаря этому волшебству значительно освободил студентов и школьников от ежегодного ручного сбора хлопка – теперь хлопок могли убирать машины.

Чудо стеклянное и чудо радиационное

Все задания на производство новых химических продуктов наш завод получал от своего министерства, которое держало руку на пульсе химизации и точно знало, какие из них потребуются той или иной отрасли сегодня, завтра и послезавтра. Например, в середине шестидесятых озадачились производством полимеров, а для их изготовления нужны были эмульгаторы. Где их взять? Сделать. Кто сделает? Волгоградский химический завод. Так это задание попало в мои руки и в мой новый цех, начальником которого меня только что назначили.

В те времена существовали НИИ и проектные организации, которые не только разрабатывали технологию производства нового вещества или продукта, но и проектировали установки и цеха, выдавая предприятиям соответствующую техническую документацию. Тогда сотрудник ГосНИИХлорпроекта, профессор Абрам Иосифович Гершанович придумал, как получить эти эмульгаторы из парафина. Проблему с исходным сырьём мы решили быстро: Грозненский НИИ, его в то время возглавлял Саламбек Наирович Хаджиев, сделал для нас прекрасный парафин, из которого получался великолепный эмульгатор. Итак, сырьё есть, технология есть, надо запускать цех. Но цех спроектировали с ошибками.

Все чудеса большой химии выросли и вырастают из фундаментальной науки. С учёными Сергей Викторович сотрудничал и дружил на протяжении всей своей профессиональной карьеры. На фото в центре – президент Академии наук СССР А. П. Александров беседует с министром Л. А. Костандовым. Слева – Сергей Викторович.

Мы стали думать, как улучшить проект, как сделать цех современным. И тогда нам организовали командировку в ГДР, где уже работало подобное производство в компании LEINAWERKE. Мне повезло – в моей делегации был Дмитрий Андреевич Логинов, который работал в Германии после окончания войны экспертом по вывозимому оборудованию. В Германии его хорошо знали и уважали, потому что он помогал немцам выжить в голодное послевоенное время. Поэтому нам добросовестно показали этот цех.

Мы всё восприняли, переварили и придумали свою версию этого производства – стеклянную. В буквальном смысле этого слова. Все части реактора, которые можно было сделать

в стекле, мы сделали. Но не только. Вся обвязка и массопроводы тоже были стеклянными. Почему? Две причины. Во-первых, синтез эмульгатора проходил при облучении ультрафиолетовым светом, поэтому стеклянные стенки были очень кстати. А во-вторых, быстро выяснилось, что сталь, контактирующая с реагентами, катализирует нежелательные побочные реакции, сильно загрязняет конечный продукт и делает процесс малоуправляемым. В каком-то смысле у нас получилась гигантская лабораторная установка – ведь в лабораториях работают со стеклом, отличным инертным материалом. К слову сказать, переход от лабораторного стекла к металлу промышленных реакторов часто ставит крест на технологии, потому что металл и стекло – две разные сущности. Приговор в таких случаях известен – процесс не масштабируется.

За год мы всё сделали и запустили процесс. У нас получилось очень красиво. А красота, как известно, функциональна, и наша установка работала идеально. Мы получили великолепный продукт, а я – орден Знак Почета, мою первую правительственную награду. Мне было всего 26 лет.

Слух о нашем стеклянном чуде быстро распространился, и ко мне приехал Рафаил Вачаганович Джагаспанян из ГосНИИХлорпроекта, профессор, начальник отделения в институте. Человек, который мечтал использовать в химических процессах ядерную энергию. И он меня убедил в том, что это не только заманчиво, но и возможно. За полтора года мы сделали уникальный радиационный химический реактор. Это был большой вертикальный реактор вытеснения диаметром метра три и высотой метров двенадцать. Внизу, под аппаратом, было хранилище радиоактивного кобальта-60. Специальные механизмы подавали небольшие шарики из радиоактивного кобальта, чередуя их с шариками из нерадиоактивного материала, в полый вертикальный стержень, который пронзал реактор сверху донизу. Шарик из кобальта облучал реакционную смесь, не вступая с нею в контакт. Надо сказать, что физики-ядерщики постарались тогда на славу – защита была стопроцентной, никакой радиоактивной грязи, никакой радиоактивности у продуктов реакции. А делали мы по этой технологии эмульгатор для производства полимеров.

Жизнь – не страдание и не наслаждение, а дело, которое мы обязаны делать и честно довести его до конца.

Алексис де Токвиль

Впрочем, процесс был для нас новый, и неприятность не могла не случиться. Однажды возникла нештатная ситуация – из рабочей и защищенной зоны выпала часть радиоактивных шариков. Их выгребали вручную, в том числе и я. И это стоило мне красивой шевелюры, которая так нравилась моей жене: в свои 26 лет я начал стремительно лысеть.

Наш реактор как выдающееся достижение демонстрировали на ЭКСПО-67 в Монреале, где он получил золотую медаль. Специалисты говорили, что это был первый подобный реактор в мире. Глядя на нынешнее состояние отечественного химпрома, трудно поверить, что когда-то мы предлагали и воплощали самые передовые химические технологии в мире. Ещё более удивительно, что тогда мы воспринимали это как само собой разумеющееся. Наша страна первой отправила человека в космос, первой запустила атомную электростанцию, что уж говорить о химическом реакторе, пусть и радиационном, – обычное дело! Теперь каждый раз, бывая на ВДНХ, куда переехал наш монреальский павильон, я вспоминаю мой радиационный реактор.

Это чудо, увы, не сохранилось. В конце семидесятых трусливые люди решили убрать его от греха подальше. А теперь я вижу, как в научной литературе тема радиационно управляемых химических реакций применительно к промышленности набирает обороты. Интересно, знают ли нынешние разработчики и исследователи, что 50 лет назад такой реактор успешно работал и был гордостью советского химпрома?

Кстати, этот реактор стал ещё одной ступенькой в моей карьере: мою работу оценил новый директор завода и забрал меня к себе начальником технического отдела и исполняющим обязанности главного инженера.

Тяжёлое наследие

В 1965 году на завод пришёл новый директор, Владимир Михайлович Зимин. Он был старше меня на семнадцать лет и к тому времени уже успешно поработал директором химико-технологического техникума и директором филиала Государственного научно-исследовательского института органической химии и технологии (ГосНИИОХТа) в Волгограде. В министерстве ценили его как организатора и потому бросили на самый сложный участок – директором нашего завода, который работал явно неудовлетворительно и оброс множеством проблем. Владимир Михайлович формировал команду единомышленников, чтобы заняться серьёзной реорганизацией завода, и предложил мне должность начальника технического отдела. У себя в кабинете он устроил мне небольшой технологический экзамен, сказал, что удовлетворён ответами, и попросил изучить ситуацию и подготовить предложения по реорганизации технических служб.

Через месяц основательного знакомства с заводом все его тяжёлые проблемы стали мне очевидны. С одной из них, если не главной, я уже сталкивался. Это – пьянство. Спирт на заводе лился рекой и стал денежной единицей для расчётов внутри и вне завода. Пили практически все, везде и всегда. Какая уж тут дисциплина и техника безопасности! Смертность на заводе от несчастных случаев в среднем составляла 15–17 человек в год, то есть каждый месяц кто-то погибал. Дисциплина технологическая тоже оставляла желать много лучшего: завод был одним из главных загрязнителей воздуха, воды и почвы Волгограда.

Это было тяжёлое наследие войны. Тогда завод выпускал очень много опасной продукции для фронта – хлор, хлорную известь, иприт, коктейли Молотова, сигнальные осветительные бомбы... Одних коктейлей Молотова сделали 22 миллиона бутылок. Готовили их на совесть, чтобы горело так горело. В качестве самовоспламеняющегося компонента в бутылки с горючей жидкостью вставляли ампулы с белым фосфором. Когда бутылка и ампула внутри разбивались, начинка ампулы самовоспламенялась и поджигала горючую смесь, керосин например. Если фосфор не очень подходил для зажигания, то рабочие на заводе просто сливали его себе под ноги, хотя знали, что белый фосфор – сильнейший яд. Когда я уже работал главным инженером, мы извлекли из земли на территории завода более тысячи тонн фосфора.

Владимир Михайлович Зимин

Все эти продукты для фронта изготавливали буквально вручную, не считаясь ни с какой техникой безопасности – о ней никто и не задумывался, ковали победу любой ценой. Огромная армия профинвалидов, тех, кто во время войны работал на заводе, стремительно вымирала на моих глазах – они массово уходили из жизни.

А чем кормили людей? Голодала вся страна. А на химическом заводе был этиловый спирт, дешёвый и доступный. На самом деле, спирт – это пищевой продукт с высокой калорийностью. Пить спирт – всё равно что есть сахар ложками. Вот его и пили вместо еды, забрасывали горячее в топку своего организма, чтобы были силы работать. Начальство против такого порядка вещей тогда не возражало, потому что главным была победа, а алкоголизм – дело десятое, потом разберёмся. В результате множество людей стали зависимыми от алкоголя.

Наш директор был боевым офицером – вся грудь в орденах. Он попал на фронт, будучи студентом четвёртого курса Ивановского химико-технологического института, прошёл командиром противотанкового дивизиона две войны, Великую Отечественную и Японскую. Воевал отчаянно и решения всегда принимал волевые и окончательные. Изучив заводскую ситуацию, он пригласил меня для разговора и заявил: «Мы должны за одни сутки сменить всех начальников цехов. Рыба гниёт с головы. И эти головы надо убрать, иначе ситуацию не выправим. Дай мне список тех, кого считаешь возможным назначить начальниками технологических цехов».

Первое детище Сергея Викторовича как руководителя на заводе в Волгограде – технический отдел завода, переименованный в народе в «отдел тех».

В то время у нас был 51 цех. Я уже знал всех инженеров на заводе и, честно говоря, засомневался в разумности решения директора. Но мои сомнения он даже не стал обсуждать. Правда, тогда мне удалось отстоять одного начальника цеха – я был уверен, что мы с ним справимся. Но ошибся, признал, что был не прав, и через три месяца пришлось и его заменить. Так что решение директора было в каком-то смысле гениальным и очень эффективным. К руководству цехами пришли надёжные и здоровые люди, в основном – молодые. И ситуация стала быстро меняться в лучшую сторону.

Что стало с бывшими начальниками цехов? Всё как-то разрешилось к общему удовлетворению. Многие ушли на пенсию, поскольку в нашей отрасли мужчины на пенсию уходили рано, в 50 лет. А некоторых, наиболее деятельных, мы просто отлучили от спирта. Вот, например, была у нас троица из трех Иванов, которую мы называли БИБИСИ – Белицкий Иван, Беломутцев Иван, Свиридов Иван. Мы поручили им цех бытовой химии, который вывели за территорию завода, там спиртом уже не пахло, и они прекрасно справлялись.

Конечно, пьянство было не единственной проблемой, но самой болезненной. Однако нам также предстояло что-то предпринять, чтобы повысить грамотность наших инженерно-технических работников – новых молодых начальников цехов, их квалификацию, а ещё разобраться со всеми экологическими проблемами, порождаемыми заводом. Впрочем, понятно, что второе связано с первым. Об этом я расскажу в следующих новеллах.

Неважно, с какой скоростью ты движешься к своей цели, главное – не останавливаться.

Конфуций

Здесь же, завершая рассказ о «Тяжёлом наследии», хочу сказать, что реформы нашего директора привели к быстрым результатам буквально на всех фронтах, что и неудивительно – ведь кадры решают всё. Министерство, учитывая такой прогресс на предприятии за короткое время, пригласило Владимира Михайловича Зимина на должность начальника научно-технического управления министерства. Он уехал в Москву будучи моим начальником, а потом я приехал в Москву и стал его начальником. Ситуация, конечно, некомфортная, причём для обеих сторон. Но мы быстро с ней справились и оставались друзьями до последних дней Владимира Михайловича.

Инга: второй голос

Большинство заводских работников жили вблизи завода в Бекетовке и знали друг друга, как в большой деревне. Все заводские новости обсуждались вечерами на лавочках у подъездов, в очередях в магазинах. Молодые мамы, гуляя с колясками по посёлку, разносили заводские сплетни, рассказанные мужьями по большому секрету. Новости разлетались мгновенно, и зачастую решения о предстоящих назначениях и увольнениях до соседей доходили быстрее, чем до самих «героев».

Так до меня донеслись слухи, что Сергея прочат на должность начальника технического отдела. Как же я расстроилась! Сергей уже стал отличным технологом. Я видела, с каким интересом, даже азартом он бежал на работу, а по выходным встречался со своими коллегами, чтобы покумекать над технологическими схемами. И вдруг – техотдел с его бумажной рутинной, согласованием техрегламентов. Как же мне стало за него обидно! Еле дождалась Сергея с работы и набросилась с вопросом – неужели нельзя отказаться от такой работы? Навсегда запомнила его недоумённый взгляд. «Не понимаю, чего ты всполошилась? Я считал тебя довольно умной женщиной, а ты, оказывается, не понимаешь простых вещей. Ты только представь, какие возможности даёт эта работа. Сейчас я занимаюсь одним производством, а тут – десятки! Один отдел рационализации и изобретательства чего стоит. Да тут просто тысяча возможностей сделать наш завод во много раз более значимым!»

Скорее всего, это не совсем те слова, что я услышала, но смысл именно в этом – широкий простор для творческой работы. И действительно, уже через несколько месяцев Сергей создал команду единомышленников, и техотдел по-настоящему стал центром технической и технологической мысли на заводе. Бумажная работа превратилась в творческую. Работники этого отдела, дожившие до наших дней, с восторгом вспоминают об этом времени как лучшим в их профессиональной биографии.

Сто патентов в год

Преодолев проблему пьянства, мы взялись за следующую, не менее серьёзную – грамотность заводских инженеров и техников. Здесь тоже нужно было найти неординарные решения, чтобы пробудить в сотрудниках желание учиться. А учиться было необходимо, ведь подавляющее большинство инженеров имели за плечами только техникум. С таким багажом трудно рассчитывать на развитие и модернизацию наших производств, на внедрение новых технологий.

Я понимал, что решить эту проблему внутри завода не получится, нужно использовать ресурс внешнего мира. Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что многое из того, что я тогда предлагал и делал, было следствием юношеского максимализма и не всё принесло ожидаемые результаты. Но многое-то удалось! Важно, что директор всячески меня поддерживал, поощрял все мои идеи, даже самые экстравагантные. Вообще, он никогда не занимался мелочной опекой и легко делегировал полномочия, во всяком случае – мне. Поэтому моё предложение без малейшей задержки превратилось в приказ, согласно которому все инженеры получали один «свободный» день. Этот день они должны были провести в роли практиканта на любом другом предприятии Волгограда, причем не химического профиля. Понятно, что в первую очередь это были предприятия пищевой промышленности, на которых, между прочим, химии достаточно. Но не только.

Все эти патенты Сергея Викторовича были внедрены в промышленности с колоссальным экономическим эффектом. Медаль «Заслуженный изобретатель» он считал одной из наиболее значимых в своей жизни наград.

Моя идея убивала двух зайцев. Во-первых, мои сотрудники видели, для кого мы производим химические продукты и как их используют на предприятиях других отраслей промышленности. А во-вторых, они примечали и усваивали интересные технические решения, которые вполне могли пригодиться и на наших производствах. Ведь промышленные предприятия, что бы они ни производили, используют сходное оборудование, сходные процессы и опираются на одни и те же физические и химические законы. Возьмите майонез и маргарин – это же сложнейшие химические производства! Создание устойчивых эмульсий, гидрогенизация жиров и масел, переэтерификация – все эти технологии понятны и близки сердцу инженера любого химического завода.

Не скажу, что это дело сразу прижилось. Поначалу приходилось следить за тем, чтобы сотрудники использовали «свободные» дни по назначению. Но на самом деле это было в их

интересах, потому что следующим требованием стало обязательное участие всех инженеров и техников в рационализаторской и изобретательской деятельности. По тому, что они предлагали, становилось ясно, кто из них чего стоит и пошли ли эти свободные дни-практики им впрок.

Конечно, это была обязаловка. Тогда мне по молодости казалось, что это так просто – что-то изобрести, сложнее – сделать. Уже потом я понял, что не все люди способны придумывать, но это несколько не делает их хуже, они могут быть при этом прекрасными специалистами и доводить до ума чужие идеи. Обязаловка по части рационализаторской работы всё же сыграла свою положительную роль, потому что позволила выявить круг творческих людей. Человек так устроен, что иногда надо дать ему пинка, чтобы в нём проснулся интерес и он начал реализовывать свои способности.

А потом мы первыми в стране ввели технологический аудит – инженеры одного производства в течение двух-трех дней изучали другое производство внутри завода, искали несовершенства и выдавали свои предложения, что с этим делать, как бы они сделали. Такой незамысленный взгляд часто даёт хорошие результаты, порой неожиданные. И действительно, некоторые инженеры предлагали настолько дельные вещи, что мы понимали – это его производство, и переводили в этот цех ко всеобщей пользе. Очень важно совмещать интересы и возможности инженера и цеха, и нам это удавалось.

Жизнь – не бремя, а крылья творчества и радость; а если кто превращает её в бремя, то в этом он сам виноват.

В. В. Вересаев

Потихонечку процесс набирал обороты, и тогда я сделал ещё один шаг – заставил всех инженеров писать творческие планы. И не просто писать, но ещё и докладывать их коллективу и отвечать на вопросы. Конечно, для многих это было тяжёлым, если не сказать экстремальным испытанием – не было у них такого опыта! Многие, не только женщины, но и мужчины, рыдали, когда их обсуждали коллеги. Однако цель была достигнута – большинство из них поняли, что надо учиться, что багажа знаний, которым они располагают, явно недостаточно.

Но где учиться? Соответствующего института в Волгограде не было, поэтому пришлось создавать вечернее отделение Политехнического института на базе химико-технологического техникума. Он находился рядом с заводом, поэтому заводчанам было удобно ходить на занятия после работы. Учёба длилась пять лет. Базовые дисциплины читали университетские профессора из волгоградских вузов, а спецкурсы – опытные и образованные инженеры волгоградских заводов. Команду мы собрали великолепную, и вскоре наш вечерний институт стал Политехническим университетом.

Наши молодые инженеры росли буквально на глазах. Не успели мы и глазом моргнуть, как они начали проситься в командировки в отраслевые научно-исследовательские и проектные институты в Москве, Казани, Ленинграде, Екатеринбурге, Новочеркасске, Иванове. А мы не отказывали. И вот уже сотрудники этих институтов повалили к нам валом, почуяв, что у нас созданы благоприятные условия для внедрения новых технологий и процессов, что нам интересны новые идеи.

Когда же к нам потянулись академики, мы сделали ещё один шаг – запретили нашим инженерам подавать рацпредложения. Рацпредложения – это уровень аппаратчика, а дело инженера – изобретения. Они, кстати, тогда хорошо оплачивались. И очень скоро, через два-три года, мы стали получать по 25 собственных патентов в год. Все заводы отрасли, вместе взятые, не давали столько патентов, как мы. Потом стали отбирать для внедрения на нашем заводе изобретения внешних организаций. В результате число патентов, наших собственных и совместных, достигло сотни в год. По тем временам это была внушительная цифра, а по нынешним – и вовсе фантастическая. Где вы сейчас найдёте промышленное предприятие, которое

внедряет сотню изобретений в год? Нет таких. А тогда в отделах Екатерины Николаевны Кутовой и Александры Ивановны Поляничкиной, которые занимались процедурой патентования на заводе, стоял дым коромыслом: оформить и защитить сотню патентов – это огромная работа. Были в этом деле и рекордсмены: талантливый технолог Михаил Карпович Старовойтов получил около ста патентов, сотрудница ЦЗЛ Елена Владимировна Варшавер – больше сотни.

В результате завод из середняков выбился в лидеры. За пять лет мы получили орден Ленина, орден Октябрьской Революции и все знамёна, которые тогда учреждали. Мы буквально ковали кадры для отрасли. Многие инженеры нашего завода выросли до директоров крупных производств химического и биохимического комплекса (завод «Оргсинтез» в Волжском, «Каустик» в Волгограде, крупнейший в мире завод белково-витаминных концентратов в Светлом Яре под Волгоградом, Яванский завод в Таджикистане, «Электрохимпром» в Навои и многие другие).

Кстати, ничего такого Министерство химической промышленности от нас не требовало – ни патентов, ни технологического аудита, ни вечернего института и творческих планов. Делали мы это исключительно по собственной инициативе. Меня часто спрашивают – зачем? Что заставляло меня тратить время на возню с инженерами, с их обучением и мотивацией? Да стыдно мне было за нашу страну. Столько возможностей и ресурсов, а заводы на фоне западных не выдерживают никакой критики. Хотелось создать по-настоящему современный красивый завод, не уступающий немецкому, чтобы нас уважали. А без грамотных, амбициозных инженеров этого не сделать. И мы своей цели достигли – нас заужавали, да ещё как!

Инга: второй голос

У Сергея было 123 патента, начиная от способа получения кристаллического хлорофоса, проволоки для сварки серебра и хлорсульфирования полиэтилена и заканчивая «способом борьбы с полостным оводом овец». Он получал патенты не только на заводе, но и когда работал в обкоме и в министерстве, потому что постоянно испытывал потребность придумывать интересные решения проблем и изобретать что-то новое. На оформление своих идей он не хотел тратить время, поэтому патенты появлялись только тогда, когда находились коллеги, готовые заняться бумажной работой.

Недавно перелистывала эти документы и вспомнила, что вознаграждения за изобретения в то время были более чем весомыми – они доходили до нескольких тысяч рублей. На выплаты по некоторым

изобретениям Сергея можно было купить машину. Это было связано с тем, что его изобретения, внедрённые на заводе, давали ощутимый экономический эффект. В среднем 15 % от экономического эффекта шло на оплату вознаграждений авторам. В большинстве случаев я и не знала об этих деньгах. То была его заправка, которую он тратил по своему усмотрению – разумеется, на общественные нужды. Деньги для него были лишь средством украсить жизнь своих близких, порадовать друзей и помочь тем, кто в этом нуждался.

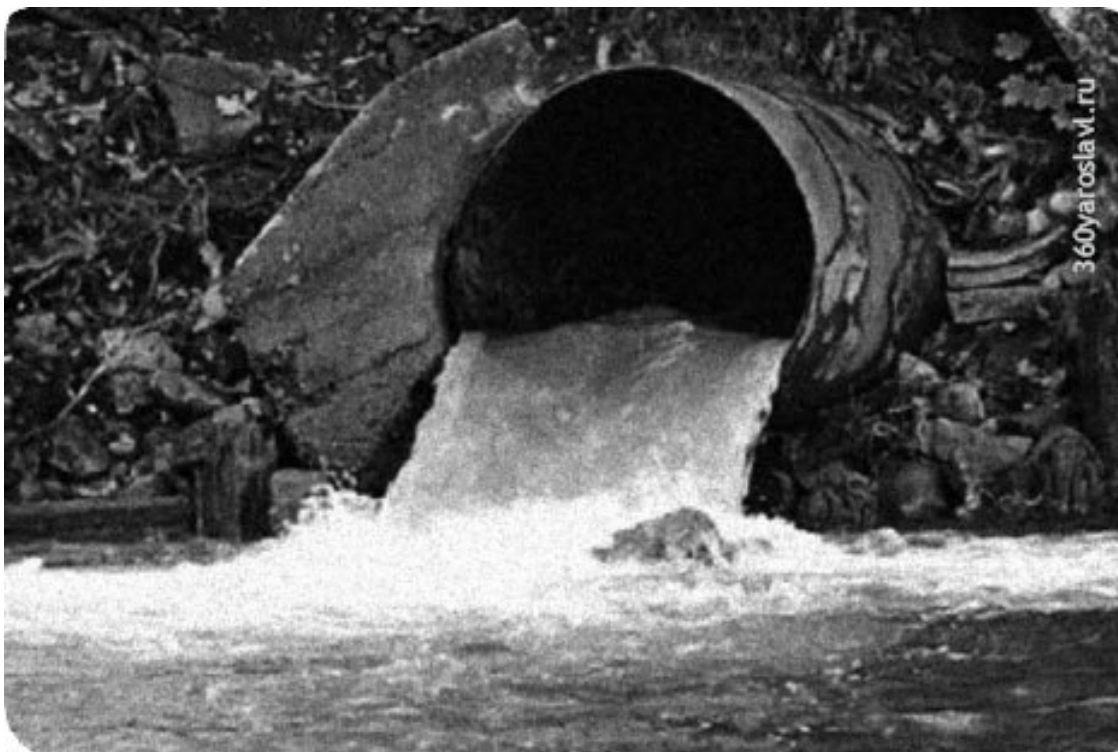
Плач осетров

Вспоминаю этот страшный случай, когда на нашем заводе прорвало накопители и сточные заводские воды хлынули в Волгу. Дело было летом 1964 года, стояла чудовищная жара, все хотели купаться, но в воду войти было нельзя. Погибло множество осетров и прочей рыбы. Катастрофа была чрезвычайно резонансной, но далеко не первой в нашей стране. Просто она, видимо, стала последней каплей, переполнившей чашу терпения. Тогда Алексей Николаевич Косыгин, председатель Совета министров СССР, распорядился наказать виновных по всей строгости закона, чтобы другим впредь неповадно было.

Под раздачу попал главный инженер завода, лауреат Ленинской премии, участник войны, известный на всю страну химик Борис Яковлевич Либман, ему в то время было сорок с небольшим лет. Либмана осудили на два года. Петра Васильевича Вершинина, начальника ЦЗЛ и бывшего директора завода, а также Сергея Фёдоровича Писарева, начальника производства смолы, дающего самые грязные стоки, осудили условно. И всем троим присудили колоссальный денежный штраф. Таких денег у них не было и быть не могло.

Осетрята, как дети, милые и беззащитные,

А это сточные воды, которые надо очищать, чтобы не губить осетров.

Борис Яковлевич был моим учителем, и я объявил на заводе, что собираю деньги для погашения штрафа и что все желающие инженерно-технические работники могут присоединиться. Присоединилось 1500 человек, причём каждый внёс по своему месячному окладу, а тогда он в среднем составлял 150 рублей. Так что искомую сумму мы собрали и штраф погасили. Сейчас это кажется невозможным, но так было. Меня вызвали в партком и объявили, что за мою деятельность по сбору денег решено исключить меня из партии. Я сказал, что, конечно, согласен с решением уважаемого собрания, но есть одна маленькая проблема – я не член партии. Надо было видеть их изумлённые лица. Тогда мы посмеялись и разошлись.

Волга как среда обитания, которая должна быть чистой.

Конечно, мы ходили на заседания суда, стучались во все инстанции, чтобы защитить Либмана. Казалось нелепым сажать в тюрьму лауреата Ленинской премии. Тем не менее два года он получил, но благодаря химической общественности страны, которая продолжала за него хлопотать, отсидел всего год. Первые полгода он работал в тюрьме прачкой. А вторые полгода каждый день его из тюрьмы забирала машина и везла в закрытую лабораторию на одном из заводов, где он весьма продуктивно занимался исследованиями.

Пока Либман сидел, а я его регулярно навещал в тюрьме, случилось трагическое событие – в один день погибли два очень сильных главных инженера химических заводов в разных городах.

Один умер на операционном столе, второй попал под машину. Во время очередного визита к Либману я рассказал ему, что он потерял двух друзей. «Ещё один такой случай, и я буду считать, что легко отделался», – мрачно пошутил Либман. Через год я забирал Бориса Яковлевича из тюрьмы, поскольку за мной была закреплена персональная заводская машина. Приехали домой, выпили по маленькой, и для Либмана началась новая и вполне успешная жизнь: он занимался исследованиями в Волгограде, а потом в Москве, в ГосНИИХлорпроекте.

Жизнь – это долг, хотя б она была мгновением.

Иоганн Вольфганг Гёте

Но сама эта история с таким жёстким сценарием подействовала на отрасль как отрезвляющий душ. Проблемы охраны окружающей среды, на которые ещё вчера плевали и которые накапливались на заводах годами, теперь стали объектом пристального внимания на всех химических предприятиях. Большинство из них было решено за три-четыре года.

Мы на своём заводе нашли два нетривиальных решения. Первое – взаимное уничтожение стоков. Мы так соединяли стоки разных производств, чтобы их компоненты взаимодействовали между собой, нейтрализуя друг друга. В результате такого простого решения токсичность стоков резко уменьшилась и их количество сильно сократилось.

Второе красивое решение было связано с непрерывным контролем качества сточных вод – мониторингом. Причём контролем самым надёжным, биологическим. Здесь нам очень помог

ихтиолог, участник войны Олег Львович Бурковский, которого я нашёл в Волгограде и пригласил на работу. Он создал очень наглядную систему биоиндикации сточных вод. Главным индикатором в этой системе работали мальки осетров. Олег брал этих малышей размером сантиметров десять на рыбзаводе, где их разводили, привозил на наш завод и распределял по большим стеклянным ёмкостям. Они стояли в каждом цеху, и через них круглые сутки протекала сточная вода этого цеха. Разумеется, мальков кормили, и в благоприятных условиях на заводе они вырастали до двадцатикилограммовых особей.

Чем были интересны эти мальки? Они очень чувствительны к загрязнению воды посторонними веществами. Если сток был плохой, мальки погибали. Но эту стадию мы прошли быстро – никто не хотел убивать осетрят, поэтому старались очищать стоки как следует. Если же концентрация посторонних веществ была немного превышена, то мальки становились уродцами: у них изгибалась нежная хорда и они превращались в плавающие загогулины. Для работников цеха видеть малька, изуродованного по их вине, было страшной и невыносимой мукой. Работники умоляли как можно скорее заменить уродцев на здоровых мальков и гарантировали, что больше такого не повторится.

Каждое утро я обходил цеха и навещал осетров. Они были необыкновенно милыми, почти ручными существами. Мне даже казалось, что они меня узнают. Но в один злосчастный день всё закончилось. Случилось это в 1977 году после моего отъезда в Москву, где меня ждал портфель замминистра. По чьей-то нерадивости все мальки, предназначенные для цехов и содержащиеся в специальном бассейне, задохнулись – что-то случилось с аэрацией. Осетры в цехах уцелели, там всё было в порядке. Тогда-то и решили этот эксперимент больше не продолжать. Но замечу объективности ради, что к тому времени необходимость в таком жестком контроле отпала – все цеха выдавали допустимые стоки, не вредящие ничему живому. А кроме того, появились уже хорошие аналитические приборы, которые автоматически и круглые сутки контролировали состав стоков. Полагаю, что работники цехов вздохнули с облегчением.

Инга: второй голос

Волгоград был буквально напичкан химией – более десятка заводов выстроилось вдоль Волги. Поэтому едва ли не каждый пятый в городе был химиком или имел отношение к химическому производству. Никаких разговоров о вреде химии где бы то ни было я никогда не слышала. Порой мы ощущали в городе химический запах, но воспринимали это как должное и неизбежное, злом не считали. Напротив, химию считали чудом, которое призвано изменить жизнь человека и страны к лучшему. Правда, женщины

выходили на пенсию в сорок пять, мужчины – в пятьдесят, но большинство благополучно преодолеvalo среднестатистическую продолжительность жизни и доживало до преклонного возраста. Те, кто заботился о своём здоровье, не почувствовали на себе влияние химии. А те, кто небрежничал с химией на заводе, конечно, здоровье теряли. Хотя тогда защита людей на наших производствах была надёжной, что бы там ни говорили. Поэтому случай 1964 года с выбросом ядовитых стоков в Волгу был для нас громом среди ясного неба.

Кстати, Сергей со своим заводским стажем имел право на пенсию в 50 лет. Когда время подошло, я напомнила, что пора оформить пенсию. Разумеется, речь шла только об оформлении, а не о выходе на пенсию. Он ответил резко и возмущённо: «Ты в своём уме?! Я либо замминистра, либо пенсионер. Третьего варианта нет». И это вскоре аукнулось нам. Когда в начале девяностых ликвидировали Министерство химической промышленности, нас моментально открепили от поликлиники Совмина, которой мы пользовались с 1977 года. Но пенсионеров министерства не тронули: их семьи обслуживают до сих пор. Сергей отличался удивительной непрактичностью по отношению к своим личным делам и семье, хотя был чрезвычайно рационален во всём, что касалось его профессии и работы.

Спасительная тёща

Моя тёща, Нина Павловна Васильева, – человек замечательный и, в общем-то, выдающийся. В своё время она работала под началом Юрия Владимировича Андропова в Петрозаводском горкоме партии, и они дружили. Затем работала заведующей промышленным отделом обкома партии, председателем обкома профсоюзов Карельской АССР, после чего её назначили министром соцобеспечения в республиканском правительстве, и она очень много сделала для того, чтобы в Карелии пенсионеры и инвалиды получали максимально возможную заботу от государства. Много сделала она и для острова Валаам, где размещались детские дома и дома престарелых. Нину Павловну в Карелии уважали и обожали. При этом моя тёща была очень строгим человеком: своим родным и близким – никаких поблажек и привилегий. За всё время, когда мы приезжали в Петрозаводск, только один раз дала мне свою служебную машину с водителем на пару часов, чтобы посмотреть город.

Нина Павловна сыграла громадную роль не только в нашей семейной, но и в моей жизни. Я уже рассказывал, что настоящую семейную свадьбу в Петрозаводске нам устроила именно она. Впрочем, родители не баловали нашу молодую студенческую семью. Моя мама жила бедно, как тогда говорили, от зарплаты до зарплаты, если что и подбрасывала нам, так это домашние заготовки. Нина Павловна и вовсе считала, что мы сами должны устраивать свою жизнь, и, конечно, была права.

Вы когда-нибудь видели, чтобы зять с таким обожанием смотрел на тёщу?

У нас это вполне получалось. После женитьбы я сильно прибавил в учёбе, не могу сказать, что на первых курсах я шалберничал, учился, в целом, хорошо, а тут стал отлично и собрал коллекцию из всех возможных именных стипендий. А это были очень приличные деньги по тем временам – 800 рублей до реформы, столько получали молодые специалисты на производстве. Инга тоже хорошо училась, и двух более чем приличных стипендий нам вполне хватало

на безбедную жизнь. Правда, бывало, что перед стипендией деньги кончались. Тогда мы шли в букинистический магазин, сдавали книги по кулинарии, которые Инга собирала, а потом, получив стипендию, выкупали их. Если что-то к тому времени уходило, то покупали новые.

Инга окончила институт на год раньше меня и уехала работать в Петрозаводск. Этот год я жил в общежитии, Инга приезжала ко мне на выходные, и мои соседи по комнате на эти дни деликатно перебирались к друзьям, чтобы дать нам возможность побыть вместе. А через год мы отправились работать в Сталинград.

Нина Павловна не вмешивалась в нашу жизнь, но внимательно следила за нашими успехами. Она регулярно приезжала к нам, чтобы пообщаться с внучками. Ей очень нравилось, как развивается моя карьера и карьера Инги. Её уважение ко мне росло с каждым моим новым назначением или правительственной наградой. И всё шло хорошо, пока у меня в цеху не случилось происшествие, в результате которого пострадали несколько человек, к счастью – пострадали легко. Но по существовавшему тогда порядку против меня, начальника цеха, возбудили дело, причём передали его следователю из другого района. Я не относился к этой угрозе всерьёз, поскольку был уверен, что для судебного разбирательства нет оснований. Но вот следователь так не думал. На самом деле, думал он только об одном – как на этом деле нажиться. Я поначалу не понимал его весьма прозрачных намёков, что дело можно замять за соответствующее вознаграждение, я не так был воспитан, да и не сталкивался никогда с подобной ситуацией, что неудивительно – взяточничество тогда не было распространено, тем более в правоохранительных органах. Когда же до меня дошло, я ответил весьма резко. Тогда следователь решил отыгаться по всей строгости закона.

В один из дней меня приглашает директор завода и говорит: «Сергей, извини, я сделал всё, что мог, но тебя будут судить и осудят. Готовься, суд завтра». Помню, вернулся домой чуть пораньше, чем обычно, рассказал всё Инге – что завтра суд, что нужно собрать вещи, потому что после суда попаду в тюрьму и домой уже не вернусь. Спокойно говорю, хотя на душе кошки скребут. Такова была ещё одна сторона нашего тогдашнего миропонимания, которое проистекало из недавнего прошлого, когда в лагеря попадали за малейшую провинность и даже без неё. Как говорится, от сумы и от тюрьмы не зарекайся. Мы и не зарекались. Инга приняла новость относительно спокойно, без паники, потому что верила: справедливость восторжествует.

*Жизнь, как пьеса в театре: важно не то, сколько она длится, а насколько хорошо сыграна.
Луций Анней Сенека*

И тут звонит тёща. У меня уже в то время стоял дома служебный телефон, солидный такой, с выходом на междугородку. Тёща мгновенно по голосу Инги понимает, что что-то не так. «Инга, что случилось?» – «Мама, поговори с Сергеем», – и даёт мне трубку. Честно говоря, рассказывать обо всём тёще было неудобно и даже стыдно – подвёл семью, что ни говори. Я что-то промямлил в том духе, что завтра я, возможно, покину семью на некоторое время... Но Нина Павловна вытрясла из меня всё и положила трубку.

Утром проснулся, как обычно, в четыре утра, и стал собираться на работу – решил сходить в цех напоследок и всё проверить. Тюрьма – тюрьмой, а дело – делом, за него душа болит. Инга, как всегда, накормила меня завтраком. Выхожу из дому в половине шестого, открываю входную дверь и вижу подsunутый под неё конверт. Письмо адресовано мне, товарищу Голубкову С. В. А суть письма такая – в связи с отсутствием состава преступления дело закрывается, а подписка о невыезде снимается. И подпись – прокурор Волгоградской области такой-то, уже не помню имени. Я, совершенно обалдевший, протягиваю письмо Инге, а она улыбается и говорит спокойно и уверенно: «Так ведь и не могло быть иначе». Наивная вера в справедливость! Она и в мыслях не допускала, что меня осудят.

И только спустя какое-то время я узнал, что своим спасением обязан теще. Оказывается, Нина Павловна сразу после разговора со мной в восемь вечера позвонила своему коллеге, председателю Волгоградского областного совета профсоюзов: «Слушай, ты мне сам рассказывал про Сергея, какой он знаковый и полезный для области человек, человек с большим будущим. Что у вас там происходит? Какой такой суд? Ты уж вмешайся, разберись, суд на завтра назначен». Он поднял прокуроров. Они ночью (!) разобрались в моём деле, увидели, что никакого преступления нет, написали письмо, которое фактически снимало обвинение, и отправили курьера доставить его мне домой. Вся эта история разворачивалась с восьми вечера до половины шестого утра, когда я поднял конверт.

По прошествии лет всё это метко окрестили «телефонным правом». Уж как его клеймили в перестройку! А я при этом думал, что система, конечно, неправильная, но часто именно телефонное право помогало восстановить справедливость. За примерами мне не надо было далеко ходить.

К слову, о справедливости. Тот самый следователь, который, не получив от меня взятки, жаждал моей крови, в скором времени сел на двенадцать лет в тюрьму за взятки. Как мы немного кощунственно шутили в то время, награда нашла героя.

А теща!.. До этого случая я её уважал, после – боготворил.

Инга: второй голос

Моя мама, как и все тёщи, поначалу относилась к Сергею настороженно. Она страшно удивилась, когда узнала, что Сергей с дипломом о высшем образовании начал работать на заводе аппаратчиком. Ей это показалось странным и тревожным – а вдруг её зять и вправду на большее не способен? Но события развивались бурно, Сергей стремительно двигался в гору, и тон тёщи быстро изменился – со снисходительного на уважительный. Теперь мама разговаривала с Сергеем на равных и с интересом выслушивала его суждения по всем актуальным вопросам. А такая возможность была, поскольку каждый год мы не меньше недели проводили в Петрозаводске или в совместных поездках. Да и мама приезжала в Волгоград раз в год на два-три дня, оторвав их от своего отпуска. Уезжала всегда нагруженная подарками.

Помню сцену на вокзале «Проводы тёщи». Мы уже на перроне, стоим с мамой у вагона, Сергей, как всегда, задерживается. И вдруг бежит: в руках пакеты, коробки, а в зубах – роза. Он пролетает мимо нас в купе, а мама, попыхивая папироской, говорит: «Как не люблю уезжать от Инуськи. Вечно с

котомками. То ли дело от Ваденьки – всегда налегке» (Вадим – брат Инги. – Ред.). Мама действительно любила ездить налегке, с минимальным багажом. Но Сергей допустить не мог, чтобы тёща уехала без подарков и гостинцев. Это же нонсенс!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.